

СМЕНА

Авангард

5

1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пойдем вечером в кино!

Приехали на прантку.

Котелка.

НАШИ ПОДРУГИ

Девушки нашей страны, смелые и жизне-
радостные, не боящиеся никаких труд-
ностей и преград! Сколько славных
имен можно назвать и рассказать о сколь-
ких замечательных делах!

Среди первых строителей Днепротэса, Сталинградского тракторного, Комсомольска-на-Амуре были тысячи советских девушек. Они жили в палатках и землянках, мерзли на холоде, изнывали под солнцем, но не отставали ни на шаг от мужчин: рыли котлованы под фундаментами будущих зданий, подносили кирпичи и песок, штукатурили, красили, вместе с другими смельчачками поднимались на самые высокие леса, где варили арматуру.

Многие из девушек по призыву Вали Хетагуровой ехали на Дальний Восток, в Хабаровск, на Камчатку, в глухие северные края. В сотнях эшелонов, идущих на постройку необъятной советской земли, звучала песня, веселая и задорная:

Везде нужны заботливые руки
И маш хозяйский зоркий женский глаз...

Эти заботливые руки немало потрудились и в годы войны. Не только везли им в походившие девушки из цехов заводов и фабрик, а после работы шли на помощь в подшефные госпитали и колхозы.

Разве мы забудем имена и тех героинь в серых шинелях и шапках с белой звездой, что ушли добровольцами на фронт?

Санитарки, медицинские сестры, связистки, разведчицы — они не отставали в походе, не поддавались а бою, а если того требовала Родина, совершали беспримерные подвиги.

В эти годы пели другие песни о наших девушках:

Не забыть походного привала,
Дым костров у востра...
Руку мне тогда перебрала...
Славная военная сестра...

...Мирное солнце сияет над нашей страной. На волжских берегах, над Днепром и Ангарой, где днем и ночью не умолкает шум великих строительных работ, мы встречаем веселых девиц, распевающих озорные частушки. За рулем самосвала, на строительных лесах, за геодезическим прибором — везде можно видеть их, наших верных подруг.

А если пошире окинуть страну взглядом, мы увидим и огоньки тракторов на нетронутых прежде целинных землях. Вьется по ветру красный флаг там, где будет заложено городское новое эриксосаоза. И уже возле палатки дымятся походная кухня, и молодая раздумывавшаяся от огня повариха зовет трактористов обедать... А по степным просторам, по тапой, изрытой снежной колее пробиваются все новые и новые машины с комсомольцами и комсомолками, едущими на подмогу. И здесь, в целинных степях, требуются ласковые и заботливые девчачьи руки, не боящиеся никакого труда.

И много еще лесов про наших замечательных девушек будет написано и сюжетов от всего сердца...

На первой странице обложки: Механизаторы совхоза «Полесье» Чапаевской области проводят работы по снегозадержанию. Перед выходом машины в поле учительница-запрудница Лилия Вардул проверяет, как они заправлены. Фото И. Раскина.

На четвертой странице обложки: П. Старостин. «Мартовский день».

ОНИ ЕДУТ НА ЦЕЛИНУ

Фотоочерки

В. Архипенко и А. Моняцова.

Год назад в степные просторы Сибири и Казахстана, Поволжья и Зауралья потянулись эшелоны: из Москвы и Ленинграда, Горького и Ростова, с Украины и из Белоруссии по призыву партии ехали комсомолцы на освоение целинных и залежных земель.

На бескрайних равнинах оседла под лучами мартовского солнца снег. У палаток задымили костры; гул моторов повис над степью. Первые борозды, первые всходы — первые радости.

А фронт наступления на целину становится все шире, все марше. Перед советскими народами встали еще более величественные задачи: в 1956 году довести посевы на целинных и залежных землях до 28—30 миллионов гектаров.

И снова шумно в комитетках комсомола. Группами приходят молодые энтузиасты. Приносят заявления девушки. Они хотят быть там, где идет битва за хлеб, за народное благополучие.

1. Куйбышевский район столицы. К работницам Московского почтамта, решившим поехать на целину, пришла Тамара Григорьевна. Будущие колхозники одружили девушку тесным юльцом. Тамара в прошлом машинистка-инспектор почтамта, сейчас работает штурманом в Училищем земснарядов, а в Москве проводит свой отпуск. Девушке есть о чем рассказать: год назад в числе первых комсомольцев она уехала на целинные земли.

— Вот они, степи. А здесь наш совхоз, — Тамара указывает на зеленую полосу карты незначимую точку и поясняет: — Теперь там целый городок: электростанция, клуб, столовая, магазин, баня, ясли. Все своими руками построили. Проситесь, девушки, в Уриновский совхоз. Вместе будем работать.

2. Вали Рыбалова два года назад окончила школу торгового ученичества, потом работала в булочной № 13 на улице Горького, Киев — главное. Вот и решила Вали поехать туда, где создается его изобилие.

Проматериал всех стран, совдальности

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Март. № 5. 1954 год.

Год
издания
32-й.

3. Катя Деригазова и Вера Бородина дружат давно. Вместе учились в строительной школе ФЗО в Грозном, вместе вступили в комсомол, и на работу в Москву приехали вместе. В прошлом году прочитав постановление Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении ценных и залежных земель», девушки пришли в район комсомола.

— Мы решили ехать на Алтай, — заявили подружки. — Давайте нам путевку!

Но комсомольскую путевку на целину им не дали. Как ни доказывали подружки, что шестнадцатилетний возраст не помеха, что они не боятся трудностей, с любым делом справятся, пришлось отложить выполнение своего желания. И вот в этом году они снова подали заявления. К ним присоединилась и Маша Балахова, из той же строительной бригады.

— Просим направить нас обязательно туда, где еще ничего нет, — заявили девушки. — Хотим все строить своими руками. Понимаете, чтобы не на готовое ехать.

Есть у подруг хорошая профессия — штукатуры. Они будут строить! Но в глубине души девушки мечтают в будущем стать трактористками.

— Конечно, правильно. Больше ничего и не нужно, присплавывай и мозги заваливаю и отнеси в район.

Галия работает сверлопидцей на заводе «Фрезер», Николай — слесарем в артели металлоизделий. Но оба они хорошо знают сельское хозяйство, Николай водит мотокультиватор и трактор в Туношненском районе, а Галия работала в подсобном совхозе. Теперь они снова будут вырабатывать обильный урон.

Молодых супругов не пугают трудности, с которыми придется столкнуться на первых порах. Николай и Галина Агольцовы думают осесть на новых землях крепко, на всю жизнь.

5. Весной прошлого года Галина Конина, комсомолка фабрики «Красная швей», с одним из первых залежков уехала на ценные земли. Вскоре в адрес комитета комсомола пришла от Галины первое письмо. Бывшая швей-мотористка писала, что она работает прицепницей на тракторе, вместе со своими товарищами прокладывает на целине первые борозды. В совхозе не всегда хватало рабочих рук, и девушки летом приходилось стать пожаром, а осенью — даже штукатуром.

В этом году Галина Конина при-

ехала из совхоза в отпуск. И, конечно, первым делом она зашла на свою фабрику. В третьем цехе работницы тесно окружили подружку. Девушек интересовали подробности жизни в совхозе: ведь многие из них тоже решили ехать на освоение ценных и залежных земель. Первыми на фабрике подали заявления молодые швей-мотористки Наташа Наумушина, Саша Каролева, Галия Зотова. Еще в Москве они начали изучать шиферское дело на курсах при районном комсомоле, чтобы до отъезда получить новую специальность.

4. Супруги Агольцовы тоже решили двинуться в далекие края. Николай Агольцов только что написал заявление:

«В Кубышевский район комсомола. Прошу вас отправить меня на освоение ценных и залежных земель. Я хочу принять участие в решении задач, поставленных партией и правительством. По специальности я тракторист, а меня спецвойска».

Поставив точку, он перечитал написанное и спросил жену:

— Как думаешь, Галия, правильно я написал?

6. — Счастливого пути! Пиши! — говорит Клава Сошина своей подружке Софье Бороновой. Хорошей дороги и успехов в работе на новом месте желают ей сотрудницы магазина «Детский мир», в котором Софья проработала более двух лет. В добрый путь, молодые патриоты!

Около двух десятков лет назад в Пролетарском районе Москвы вырос Дворец культуры автомобильостроителей. Говорят, что он построен недалеко от того места, где некогда был Английский сад, названный так по имени героини sentimentalного повести Карамзина.

Год с небольшим назад примерно там, где гулкая колыбельная Анны, веселый в колодежном зале своего двора заводская молодежь, готовясь встретить Новый год.

К Любе Серовой, присевшей с подружками на диване в гостиной, подошла незнакомка в маскарадном костюме цыганки и предложила:

— Красавица, позолоти ручки — съешь службу твою предсказку. Новый год принесет тебе счастье. Ты получинишь в скором времени письмо, а потом предстоит тебе дальняя дорога...

— Ах, кватит тебе разгрызывать нас! Никуда наша Люба не поедет!

Девчата усазили в «гадалке» одну из своих подруг, поменялись и пошли в зал, где играл духовой оркестр. Любу пригласили на танец, она, легко скользя по паркету, закружилась в вальсе.

***

— Люба сидела у окна вагона и вглядывалась в снежную равнину, растлававшуюся без конца и края. В соседнем купе пели о ямщике, который замерзал в степи. Грустная мелодия старинной песни навевала воспоминания о доме, об отце, матери, брате, которые живут в Алтеинской области... А когда темноволосый, круглолицый Саша Минин, сабор из цеха нормалей, мягко и задушевно пропел: «А коней моих отдай батюшке, передай поклон родной матушке», — Люба села писать второе в этот день письмо домой.

— Ты не сердись, мам, — ахнулись на бумагу неровные строки, — не сердись, что я не приехала к вам в Солнцево попрощаться. И времени не было и, по правде скажу, боялась, что расстроюсь. Но ты поймешь, мама, что не ехать я не могла. Обо мне не беспокойся. Я еду вместе со всеми...

— Первая беседа с директором Новоартемовской машинно-тракторной станции не обралава Любу.

— Вас, видно, придется по прежней специальности пустить, — говорил директор, — по счетному делу, значит... Из заводских специальностей Люба на работе учтетича приехала, хотя бухгалтер Николай Николаевич и утверждал, что заврешчик — главная фигура в учете и планировании.

Бесной прибавке на подьем полениги написала письмо друзьям-автомобилистам. Окончившие курсы механизаторов с гордостью ставили рядом со своей фамилией слово «тракторист». Девчата подписались по имени, считая себя специалистами ведущей профессии. Только Люба подписала последняя. Она горевала, что и здесь, на целине, ей, тихой девушке, придется иметь дело все с теми же цифрами и счетами. Только потом, когда приблизилась пора сна, забылись переживания, на них не оставало времени. Надо было войти на тракторе за тридцать пять километров дизельное топливо, рить вместе со всеми землекопу для приготовления цемента, помогать плотникам ремонтировать язбу, перевезенную в поле и ставшую станом молодежной тракторной бригады Ивана Подовина.

В просторной горнице оборудован красней уголок. Люба выстирала кумачовое полатище и тщательно написала на нем

Любовь Серова.

Фото В. Гребнева

ТИХАЯ ДЕВУШКА

И. ЛЕМБЕРИК

примы: «Произвести ее в самые скатые сроки». Полюбившись своей работой, она повелевательным тоном сказала трактористу Саше Игнатову:

— Сашок! Приколоти-ка плакаты! Тебе и без лесенки сподручно: ты ведь «даль, достать вероубуша»...

Нет, не так уж Люба тихоня, какой ее считали в цехе. Говорят, что от девушки не требуется большой смелости, чтобы прикрикнуть на парня, которому хотя бы немного нравятся голубые глаза, черные брови и светлые, пшеничные волосы, но все же...

Рядом с избой бригадного стана пруд, в зеркало которого глядятся ветлы. В пруду поют и кукует аюшда. Но вот Люба уждава чай-то трактор, спускающийся по крутому берегу к воде. Так и есть — Коляка Кабанов решил навести чистоту.

Девушка крикнула трактористу, чтобы остановился, но гуд двигателя и лязг гусениц заглушили ее голос. Тогда она подожаала к машине, грозя Коле кулаком.

Как ни странно, но парен беспрекословно повиновался. У самой воды трактор развернулся и поел вверх. Выключив мотор, тракторист пустился бегом на кухню и попросил у строгой поваражы Вали Кан-

дырной ведра. Пришлось ему потаскать водичку!

А тем временем, отстояв чистоту пруда, Люба поит в нем свою, как шутит Саша Игнатов, пересильную кобылу Карюку. Черный песик. Бужет повозничать на веревку. Ему жарко, но в пруд лезть не решается. Девушка обладает собачкою брызгана воды и ловко вскакивает на аюшду.

Если бы счастливый работник цеховой бухгалтерии увидала, как Люба мчитса Люба верхом по стещи, они не удержались бы от восклицания:

— Вот так тихоня!

Наскоро приваза аюшда, девушка побежала по пахоте, по той самой земле, которая всего лишь несколько часов назад была тверда, как камень. Девушкиско противоположного конца поля, Люба пристулила к своей обычной работе: измерила длину и ширину участка, вспаханного за день братьями Игнатовым и Игнатором Сусупниками. К концу дня она внесет записи в ведомость, напишет цифры на доске, вышедшей у входа в стан. Пусть ребята, когда яредуку укажут, видят, кто сколько поделка немыли!

Бригада обсуаживает восемь полей, занимающих две с половиной тысячи гектаров. Учетчице надо бывать на каждом. Но Люба ищет аюшду: на ближине поля она добирается пешком, а иногда на мотоцикле, хотя с трактористом Сашей Игнатовым ездит опано.

— Аюшда прокатить с ветерком, — говорит Саша и доказывает это на деле. Скорость он не сбавляет до тех пор, пока Люба не начнет толкать его в бок. С Тулубаем Мурсалымовым ехать куда безопасней, но он обязательно завесет к своим родным и, хотя ты только что пообедала, заставишь отведавать казахские блюда... Но скоро у Любы будет свой мотоцик-

В усадьбу машинно-тракторной станции — километров двадцать пять — Люба ездит на попутных машинах. Как ни пригаживают ее алтеинские шоферы в кабину, она влезает в кузов через борт и держась за крышу кабины, смотрит вокруг и не может нарадоваться.

Как меняется пейзаж. Еще две недели назад в поле были желтые туман: на полях стояли хлеба. Теперь принал другие, осенние цвета: кругом, куда ни глянь, — серая стерня, кое-где уже чернеет свежая пахота, зеленеют остатки пашенных культур.

Вечером ласково перебрывает волосы девушки. Так просторно вокруг, так привально, что хочется спать.

Шофер увеличивает скорость. Поднятая машинаный пыль лезет в носиди, в уши, скрипит на зубях.

Водитель притормаживает у конторы. Люба бежит к комодуку. Умылившись студеной водой, она достает из брезентовой полевой сумки зеркала. Если в таком загоро в Москве показались, полагают, что все лето на приморском пляже провела...

— Здорово, Люба! — окликает Володя Новосов. — На вот, уюли жажду!

Автоловелит приветливая Любе тяжелей полатый арбуз:

— Попробуй-ка нашего, полаумского. У вас в Николаевке такж не водится...

Окляделась, конторы Люба досталась мнотиче и бухгалтер тракторного парка Шкалова, и главный агроном Чепкич, и председаель рабочкома Татьяна Михайловна Пепина, и заместитель комсорга Тина Смилюкпенко, и почталон Фрося Мустикина.

Сначала Люба отпочает на вопросы, а потом спрашивает сама:

— Какие нормы для машинистов зерноотсеивательной машины ВИМ? Мы одгу такую уже собрали...

— Позже какого срока нельзя производить заблаговленную пенсию?

— Выписаны ли проездные билеты Мурасьянову и Полосову?

— Состоится ли послезавтра комсомольское собрание?

— Спрингивать у потабова, есть ли газеты и письма, не приходится? Френк припаса такую пачку, которая едва влезает в полую сумку Серовой.

Присел у стола, Люба перебирает конверты. Вот и ей письмо. Оно написано лезинговым пером, потерком дурной каллиграфии красной школьницей напоминает, это Любя Серова, ученица 10-го класса, должна прислать контрольные работы.

Брешни мало, а до себя уйдет, надо зайти к заводским девицам — раз, дождаться каски и взять деньги для трактористов — два, узнать, как дела в других бригадах, — три, купить шоколу на блузку — четыре.

Любе повезло: в Николаевку едет райкомовский поезд.

— Погоди минутку, — говорит Люба шоферу, вспомни, что на скамейке остался арбуз. Близ его, она поспешно бежит в контору к своей подруге.

— На-ка отведи! У вас в конторе такие не растут.

— Куда мне их, сойти, что ли? — смеется подружка. — Мне из всех двадцати бригад сегодня подарков нет.

Но не Шикаловой, а Любе Серовой и в самом деле пришлось сойти арбузы: в колхозе имени Энгельса она получила почти три с половиной центнера арбузов. А шестидесять граммов ей, по уборочной в десять раз больше — тридцать пять центнеров, целая грузовик! Две с половиной тонны из этого ява Люба отравила в Солнцево, откуда еще сравнительно недавно она получила письма. Завоевать зерно было ответным подарком дочери родителей.

— Шофер дает нетерпеливые гудки. Люба бежит по ступенькам и садится в машину. Маленький автомобиль с брезентовым верхом трогается с места. Пожилой водитель недовольно хрюкает и Люба. Она впервые ездит так поздно. Все заблещен свет фар, выхватывая из темноты кусок дороги, окаймленной пыльной зеленью. Вот где-то далеко внизу мелькают золотистые огоньки. Что это: деревня или поселок стая? А может быть, это тракторы сошедшей МТС?

Половой стан бригадам хорошо освещен. Под навесом на обеденном столе invisible где добытая лампа — подвешена. Повариха Ваяла Кандырина дает Любе армянины, на редкость вкусно еще.

Поужинав, Люба идет к берегу пруда. Там Володя Мерляков, высокий, худощавый юноша, окруженный молодежью, играет на баяне. Близкого много, девиц больше, и нет отбоя от киваров. Пришедшие щипать валсы, польки и даже мазурки.

Люба танцует легко, кружится без усталости. Однако не ее разбудит повариха в пять часов утра и слышно не она целым день работала — то в поле, то у себя на складе, то в красном уголке.

Как только Володя Мерляков перестал играть, Любу отозвала в сторону Ваяла Полоскина:

— Мне noch пахать, а горючую маю, так что пойдешь!

Через несколько минут к складу подклевывает трактор. У Любы много добровольных помощников. Тунойбой Мурасьянов берет за ружьютку насоса. Саша Игитов придвигает никончик шланга, вставляя его в топливный бак трактора. Николай Кабанов, тот самый, которому Люба помещала звенеть в пруд, ловко отвинчивает болты крышки цистерны...

Люба бросается к складу горючего? — строго спрашивает Люба трактористку.

— Понимаешь, там не земля, а камень, — оправдывает девушка. — Спроси Зину, она подтвердит.

Принципица Зина Пирожкова охотно

М. ПИЛИПЕНКО

ИНАЧЕ Я НЕ МОГ

Мама!

Спать от тебя ни строчки.

Чернил хоть слово, но не молчи.

Зима минула, набухла почва.

Делу деловому кондуктор грани.

Хлопочет солнце в просторе снем,

В дорожной,

Возле, как вар, грязь,

Уже в степной горьковатой пыли,

Волнуя злющев, замкн бенин...

А писем нету. И это значит,

Что вновь плакат твой от слез промок.

Но я не мог поступить иначе.

Ты понимаешь,

Не мог!

Не мог!

Да, знаю: жизнь у тебя — забота,

Тревоги, хлопоты без конца.

Как это трудно:

Двояк мейлоторы

Любовно вырастить без ота!

Но ты б сто раз испытание снова

Прошла, все силы собрав,

Одна,

Чтоб не стоял рядом

Два слова:

Сердечное — сын

Бессердечным — война.

Как это трудно:

Весною злю,

Огнью взглядом тернистый путь,

Понять, что где-то

Чужим зямье

Прикрыта старшего сына грудь!

С тех пор особенно щедрой мерой

Всю нежность мне отдала, любя...

Ведь я отстал

Отец,

Верой,

Последней радостью для тебя.

Есть дни, когда некогда поют,

Но и тогда не забуду о том,

Что должен старость твою звестю

Согреть сыновним сердечным теплом.

И все же не мог оставаться дома,

Когда, по вланию снегу скользя,

Одной дорожкой

К крыльцу райкома

С одним стрелаником шли друзья.

Вонел я, двери толкнув рукою.

И ждал, не скажет ли кто-нибудь:

В чем правда:

В том, чтоб тебя поконить,

Или с друзьями в далекий путь!

Я не отыскавал,

Два сердина,

Как счастье вызвать позитив,

Но я не дунал, что счастье сына

Бывает горем для матерей!

Пускай соседки ахаллб судачат:

Мол, вот награда,

Мол, вот сынок.

Я так решил:

Я не мог иначе.

Ты понимаешь,

Не смел.

Не мог!

— Едва сплеще лето узвнет,

Вернусь нежданно, но

Ты прости

За правду, высказанную заранее,

Но снова к старому —

Погостить.

Не для того, чтоб, хваля варенье,

Откуп по рюмке домашних вин,

Случайно, робко просить прощенья

За то,

Что прибавил тебе сердин.

Нет, спорить,

Спорить с тобою, мама,

С упрямой, что дерог тебе и мил,

С пословом, что дерог тебе упрямо

Слепою силой родных могл.

Тебя не буду винить, родная,

Ты ведь, по сердцу веряя путь,

Нам, как бы ни было, для нас добыла.

Нам круп бойшей не успела загнать.

Пусть будешь сильным тревоги голос,

Но ты,

Уверенно

Уведешь со мной

Туда, где зреет впервые колос.

Где нет и дома еще, —

Домой!

Д. Свердловск.

подтверждает, но Серова недоумчиво покачивает головой. Полянская не предлагает Любе поехать и самой посмотреть. Она знает: Серова и без приглашения придет. Вся завидна, но Люба извлекается не туда, где все еще развлекается молодежь. Она идет в красный уголок и, пользуясь тем, что там сейчас никого нет, достает счеты и углубляется в работу.

Сосредоточиться трудно: какой-то значающий гармонист засел под окном и вымывает душу. Но скоро все замолкло. Бригадир Иван Подставкин велел всем идти спать.

А Люба все сидит в красном уголке и ищет цифры и щелкает на счетках. Нет, не скучно подсчитывать гектары пахоты, центнеры пшеницы и тонны дизельного топлива! Ведь это все равно, что радость измерять: в пятьдесят третьем году совхоз получал доход — 960 тысяч рублей, а в пятьдесят четвертом — 8 миллионов!

Ходяки показывали планочку. В дerrick появляется сторож Аким Кузьмич.

— Ну, лауночница, что не спишь? — говорит он сердито и присаживается к столу. — Все пишешь? Это — дело неплохое. Только всему свое время. Подружили твои Зоя Гаврилина и Марус Якунина замуж вышли, а ты все пишешь. Что, у нас ребят хороших нет, что ли?.. Ии, может, у тебя в Москве кто есть?

Люба точно и не слышит, что говорит словоохотливый сторож.

Чуть склонив голову назад, она что-то шепчет в тетради. Но это уже не цифры. Это цифры:

— Кто-то очень хорошо сказал, что жизнь измеряется не числом прожитых лет, а количеством впечатлений. Как прекрасно сказала! Последний год дал мне так много, как никакой другой!

И действительно, прошло всего год, а как изменилась за это время Люба Серова! Совсем другим человеком стала.

Нравилась Люба получивая откуп и ездая в Москву. Ей дозволено побывать на молодежном вечере в Кремле.

Исполновинная, радостная, она подошла к большому окну и, глядя на родной город, заледяный множеством оттаявших, вспоминала затерявшееся в снегах атайское село Николаевка, где нет пока электричества, где зимними вечерами без фонарика и заблудиться не было.

— Будет и в Николаевке свет? — так подумала Люба Серова, найдшая достойное место среди молодых борцов за народное счастье.

Николаевка в costume чужаки не обильна, когда на новогоднем бау в заводском Дворце культуры предкавал Люба дальнюю дорогу и счастье.

Да, ей выпало большое счастье!

Расставание.

В. Лавренко.
Весенняя художественная выставка.

Павел ШЕБУНИН

ВЕРНЫЕ СЕРДЦА

Рассказ

Володя не мог понять, почему на глазах у Зины заблестели слезы: то ли от студенческого ветра, который дул с моря, то ли от мысли о предстоящей разлуке. Он держал в своих широких ладонях зинину руку. Хотелось согреть застывшие пальцы подутой.

Вдоль обрыва росли деревья, тоненькие, некрещеные. Их редкие веточки трепетали под порывами ветра. Должно быть, трудно было деревьям расти здесь, на высоком морском берегу, открытом непогоде. Несколько лет назад Зина с Володей вместе сажали эти деревья: горком комсомола решил озеленить пустынный берег, создать бульвар. Новый бульвар назвали Комсомольским. Сюда по вечерам любя приходил молодежь. Не раз бывали здесь и Зина с Володей. Они познакомились на том первом субботнике и стали дружить.

Володя знал, что отец Зины погиб в Отечественную войну, и поэтому относился к ней покровительственно.

Окончив семь классов, Володя пошел работать на завод.

— Учиться можно и на вечернем отделении техникума, — почесал он Зине. — Хватит родительский хлеб есть.

Девушка посмотрела тогда на Володю с уважением. Прежде она не думала, что уже в пятнадцать лет можно самому зарабатывать на жизнь. Володя решил поводить и на Зину. Она обьявила матери, что пойдет учиться в техникум. Против ожидания Зина мать отнеслась к этому довольно спокойно.

Если бы жив был отец, у тебя была бы совсем другая жизнь, — сказала она грустно. — Поступай, как знаешь. Я уж тебе не советчик. Конечно, отец очень бы огорчился. Он мечтал дать тебе хорошее образование. Ты поминишь, как он хорошо зарабатывал. Почти каждый месяц приносил премии. На заводе его считали лучшим инженером.

Зина не знала, любила ли мать отца по-настоящему. Она вспоминала его высокие заработки, но никогда не говорила о нем как о живом, любимом человеке.

Отец ушел на фронт в тот год, когда Зина собиралась поступать в школу. Она помнила его большие ласковые руки, добрый взгляд улыбающихся серых глаз. У нее сохранилась небольшая фотокарточка отца. Девушка часто брала эту карточку в руки и беседовала с отцом, спрашивая, как бы он посоветовал поступить в том или ином случае. Обращаясь мысленно к отцу, она поверала ему свои решения, дела. Он жил не только в ее памяти, он продолжал оставаться ее другом и советчиком.

Ветер зашумел в тонких ветках дерезья, дома покрывшую их ледяную корку. Володя сильнее сжал пальцы Зины. Странно было представить себе, что уже завтра он не увидит знакомого берега и деревьев, под которыми они столько раз стояли.

Последние дни прошли в суматошных хлопотах. Надо было получить расчет на заводе, сделать разные покупки. Все вперед казалось заманчивым: в поездка по незнакомым местам и работа в необжитой степи. Воображение рисовало жизнь в палатках, ночи у костра, всю ту романтику, что так любя молодому сердцу.

Володя одним из первых на заводе подал заявление о своем желании поднимать целинные земли и побуждал искать Зину, работавшую начальником смены в сборочном цехе. Разве могли они расстаться! Ну, конечно, Зина тоже поедет! Держась за руки, они поехали и в комитет комсомола. Но Вася Кретов, секретарь комитета, задал Зине всего один вопрос: на который она не смогла ответить:

— А мама согласна?

— Не знаю, — тихо произнесла Зина. — Надо с ней поговорить.

Володя заметил, что девушка нахмурилась.

Но когда вышли во двор, она сказала твердо: — Ничего, Володя, ты поезжай, я потом приеду.

— Неужели Валерия Николаевна не согласится? — эволюционно спросил Володя. — Ты же взрослая, техникум окончила.

— Надо будет ее уговорить, — сказала Зина.

Володя с Зиной сами не заметили, как их юношеская дружба переросла в любовь. Они поверили друг другу все мысли, мечты, планы. Володя учился в вечерней школе. Потом он станет заочником металлургического института. Зина тоже готовилась поступить осенью в институт. Ну, конечно, они всегда будут вместе.

Завод на котором работала Володя и Зина, ремонтировал сельскохозяйственные машины и вынулкал к ним запасные части. Володя был слесарем механического цеха, Зина — начальником смены в сборочном.

Выслушав дочь, Валерия Николаевна сухо сказала:

— От любимой девушки не убегают за тридевять земель. Я всегда была уверена, что я и с Владимиром не смогу быть ничего серьезного. Удивительно, как ты могла с ним подружиться! Школу бросил, остался недочкой.

— Володя окончит школу рабочей молодежи, — возразила Зина.

— Вообразай, чему учат в таких школах! Лишь бы аттестат выдать. Когда я познакомилась с твоим отцом, он был уже инженером. Теперь, наверное, он был бы директором завода. Отец никогда не одобрял бы твоей дружбы с этим мальчишкой. Но понимаю, когда вы были пионерами. Но теперь ты уже взрослая.

— Одобрить бы! — уверенно ответила девушка.

Зина было жалко Валерию Николаевну. Конечно, матери пришлось тутовато, когда они остались один после гибели отца. Специальности у Валерии Николаевны никакой, пришлось поступать техническим секретарем в заводуправление, на тот самый завод, где она работала до замужества. Возвращаясь с работы домой, она постоянно жаловалась дочери на служебные неприятности. Они были всегда удивительно мелки: небольшие инциденты в tone директора, чья-то якобы грубая жесткая улыбка, недружелюбный смех молодой сотрудницы. И Зина очень жалела мать, такую мнительную, неприспособленную к жизни.

— О чем ты задумалась, Зина? — тихо спросила Володя.

О маме. Ей будет тяжело, когда я уеду. Подождала я краю брытва. Визну лежало замерзшее море. От берега к горизонту шла узкая дорожка, проложенная рыбачьими саями. Вдалеке виднелся обоз: это колхозники возвращались с подледного лова. Володе стало жалко, что боленое, быть может, он никогда не увидит море и тем мест, где прошло его детство.

Ветер трепал тонкую рапу зинных волос. Робей, Володя пригнула к себе Зину, заглянула ей в глаза. Зина ответила: «Счастлива. Володя неловко поцеловал ее в щеку, холодно от мороза, потом, осмелев, поцеловал в губы.

Привыкшимся от счастья голосом он спросил:

— Зина, ты причеснешь? Ты ведь обязательно причеснешь?

Зина молчала, ожидая, что еще скажет Володя.

— Зничко... — начал он.

Какой-то особенно прекрасной казалась она ему сейчас. И, осмелев, он прошептал слова, минутой назад казавшиеся такими неподходящими для выражения большого чувства:

— Я тебя люблю, Зина!

Они долго стояли, не замечая холодного ветра. Потом Зина наклонилась и сказала:

— Нам пора идти. Вель скоро повед. Розгтели тебе ждут.

— Послушай, Зина, — с жаром предложил Володя, — попробуй уговорить Валерию Николаевну. Скажи ей, что мы любим друг друга. Подем вместе. Путевку мы еще успеем оформить.

Они шли, взвизнув за руки, быстрым шагом. И толькоazole Володя Зина подумала о предстоящем тяжелом разговоре с матерью, а котром впервые должен был принять участие посторонний человек.

Валерия Николаевна читала книгу, сидя в глубоком кресле.

— Мама, я должна уехать, ноими ты зтол- решительно наиза Зина. — Нам нельзя расставаться. — Мы любим друг друга... —

— Мы решили всегда быть вместе, — сказала Володя, но уже с меньшей храбростью: о поему-то робел в присутствии Валерии Николаевны

— Вместе? — переспросила Валерия Николаевна. Она всегда переспрашивала, когда не могла сразу найти ответа. Взглянув со стола сумочку, достала платок, прикрывая его к своим глазам. Разве не такие полосу ривают сразу? Вместе?.. А ты думаешь, мне не хотелось бы быть всегда вместе с твоим отцом! Мы так хорошо жили!..

Валерия Николаевна говорила, как будто совсем не замечала Володю.

Вдруг на ее глазах появились слезы.

— Не надо, мамочка, — сказала Зина. — Ведь я теперь уже взрослая. Неужели ты не хочешь, чтобы мы были счастливы? — А тебе не отлучил? Разве ты не знаешь, что я живу только для тебя? Но нельзя же так, сразу... Надо все продумать. Когда мы с твоим отцом встретились, мы не сразу поняли свои чувства.

Зина закусила губы, на лице ее появилось удивительное выражение.

— Папа меня отпустил бы! — уверенно сказала она.

Володя украдкой заглянула на часы. До отхода поезда оставалось мало времени.

— А тебе не отлучил? — В голосе Валерии Николаевны появились капризные нотки. — Я сама охотно поехала бы куда угодно. Интересней работать на тракторе или комбайне, чем сидеть в канцелярии. Но я отвечаю за тебя.

Зина выпрямилась, посмотрела на Володю, сказала, стараясь сохранить спокойствие:

— Ладно, Поезжай пока один. Я потом приеду.

Казалось, теперь она не замечала матери, смущаясь и в кресле.

Как и предполагал Володя, дома у него все уже было улажено. Провожать его пошла вся семья. Отец, тщательно выбритый, а новым костюмом, шагал торжественно. Мать, с той улыбкой, которую полагалось. Вот и вырос сынок, стал совсем самостоятельным! Два младших брата и сестра шли рядом с Володей, не спуская с него глаз.

На вокзале давно уже не было таких многолюдных проводов. Посреди перрона возмущалась смежкоключенная трибуна. Ее окружала веселая, шумная молодежь.

Вдруг оркестр, помещившийся рядом с трибуной, заврвал, я по перрону закружились в танце парни, что, вероятно, не аклодло в церемонию.

На вокзал стекались все новые и новые группы добровольцев. Вот степенно прошли девушки, вознавшие теплыми платками по самым бровям, с деревянными баулами и чемоданами в руках. За ними, скривив цыганский шарк, шли аккордеоны, шаг парврь с аккордеоном.

Володя посылка глазами Зину. Ее не было видно. Значит, Валерия Николаевна не отпустила ее даже на вокзал. Настроение Володи стало испорченным.

Неожиданно к нему подбежал Вася Кротов.

— Я тебя ищу. Ты должен выступить от нашей заводской молодежи. Саша... — как-ки чувством ты едешь на целинные земли.

Володе хотелось признаться, что чувство у него самое тяжелое: ведь Зина остается. Но он только нерешительно спросил:

— Может, кто-нибудь другой выступит?

— Нет, мы тебя уже записали. — В это время на перроне покаялась Зина. Володя бросился к ней, схватил за руку, пристально поглядывая на нее, стараясь надолго запомнить, увести с собой дорожке черты девичьей улыбки. Зина, чуть отводя голову, смотрела на него взглядом, полным любви. Но, вспоминая, что они здесь не один, протннула Володе кулак:

— Это тебе на дорогу...

Подбежал Вася Кротов и дернул Володю за рукав.

— Или на трибуну, тебе жгут!

Слушая речь секретаря райкома комсомола, Володя и с трибуны продолжал смотреть на Зину. Он чуть заметил искнуку головой. Зина ответила ему том же, улыбнувшись.

После секретаря райкома комсомола выступала розовощекая девушка в пуховом платке — трактористка одна из передовых машинно-тракторных станций. Держалась она уверенно.

— Честы своей МТС не уроним! — заявила трактористка. — Второй год переходиме Красное знамя держим. Как работали здесь, так и на целинных землях будем работать! — После выступления на стоянии Зина излучала и поправилась: — Нет, это лучше будем работать!

Володя начал свое выступление с того, что расквдал, сколько заводских комсомольцев решил ехать на целинные земли, и перечислил их фамилии. Он чувствовал, что слушать его неинтересно: нужным совсем ниши слова, но

они не находились. Слова посмотрел на Зину и вдруг добавил:

— Будет радостно так, чтобы нами здесь гордились и товарищи, и родители, и наши любимые...

Эти слова всем понравились, послышались аплодисменты. Володя поспежно спустился вниз, хотя митинг еще не кончился, и бережно взял сумочку под руку.

— Это я о тебе говорил! — шепнул он.

Так они простояли до конца митинга. Потом началась посадка. Уловиж вещи, Володя высочился из вагона. Поцеловавшись с отцом, крепко обнял мать, шепнул ей:

— Ты не скучай! Я в отпуску буду к вам приезжать. А может, и вы ко мне переберетесь.

— Или, пройдеши со своей ладшучкой, — понимавшее отечески мать, — Володя удивило это слово «ладшучка», не употреблявшееся в здешних местах. Оно показало ему очень теплым, ласковым.

И Володя поувствовала благодушность к матери, нашедшей это слово в своем детстве. Он поглядывал сестру и младших братьев, похлопал их по плечам, как бы стараясь этим искунуть то, что не может остаться с ними до звонка, и подошел к Зине, которая стояла в створке.

Зина выслушавшая к Володе, обами руками обхватила за шею, крепко поцеловала в губы.

Паровоз загудел так громко и протяжно, словно требовал освободить ему все дальнейший путь — до самых целинных земель.

Состав уже тронулся, когда Володя вскопился на подвозку рядов и молодой, веселой проводнице, державшей в руке флажок.

Володина мать и Зина шли, обнявшись, рядом с поездом. За ними, держась за руки, бежали выпрыгнув дети. Широко шагала отец.

Поезд прибывал ходу. Мать отстала, Зина еще бежала за вагоном, захватывая платочком. Она что-то кричала, но слов уже не было слышно.

— Заходите в вагон! — строго сказала Володе проводница и уже другим тоном спросила: — Невеста?

— Невест! — ответил Володя, радуясь этому слову.

Отговки родного города стали быстро улетать, он напел, чувствуя приливы к окнам.

Володя тоже смотрел в окно. Ему было грустно. Он еще чувствовал на своих губах поцелуй Зины. И тяжело было думать, что завтра они уже не встретятся, не буди, как обещали, гулять вдоль обрва и читать в кино, не смогут познакомиться во время обеденного перерыва на заводе...

Неожиданно послышались переборы аккордеона. Быть может, аккордеонист доталелся, что тяжело на душе у его попутчиков, покаявшись, поднял места. Так и начался подвал Володы. Впрочем, другие, быть может, и не грустили, а мечтали уже о тех новых местах, куда едут.

Аккордеонист еще несколько раз медленно развел мек, видно, зловидная, таящую тоску волна, была ослеплена, была освещена отрезками знакомых мотив, и звучавшей девичьей голос: «Прощай, любимой город...»

По одному потонулись юноши и девушки к отседению, где игра аккордеонист. Хороную песню, он напел, всемоглосье пропелась сейчас с родными местами.

И понался несая о снем море и таком же снем платке на плечах любимой. Не беда, что комсомольцы увозил вдали не корабли, а железнодорожный состав. Они ехали не только в дальние края, они ехали навстречу новой жизни.

Поезд минавал уже несколько станций, а в вагоне все еще не смолкала песня.

Быть может, так бы и шел всю ночь, но поезд остановился на большой станции. Заисключая себя, были освещены аккордеонистскими фонарями. В свете их нетерпеливо кружились снежинки. Играл оркестр.

Комсомольцы выспыли из вагона. Посреди платформы вместо трибуны стоял грузовик, к кабыне было прикреплено полотнище с крупными буквами: «Добро пожаловать! Счастливого пути!»

Первая фраза была, конечно, лишней: комсомольцы пожелавши сюда лишь на какие-

Утро. Переселена трактористов.

В. Цигаль.
Восковая художественная выставка

нибудя почася, пока стоит поезд,— но, видно, организаторам митинга хотелось выразить свое доброе чувство к молодежи, едущей осваивать целину.

Комсомольцы двинулись к импровизированной трибуне. Рослый мужчина в куртке с серым каракулем воротником влез на грузовик и провознес короткую речь, в которой пожелал добровольцам счастливого пути и удачной работы на новых местах. Потом выступила девушка в выжженной шапке, из-под которой высыпались толстые каштановые косы.

В комсомольский вагон пошел еще человек десять местных добровольцев. Загудел паровоз, поезд тронулся.

В вагонах наладилась покойная жизнь. Организаторы выпуск стенной газеты. Дежурные помогали проводникам убирать вагоны. На каждой большой станции проходили митинги — к ним уже привыкли. В одном из писем Володя сообщил Зине, что добровольцам просто порой невольно становится: уж слишком много им уделяют внимания, а ведь они еще ничего не сделали, только едут работать...

Путь был долгий. Володе пришлось описывать и заволжские степи, и леса, и горы Урала, и снова степные места. Писал он и о разных дорожных происшествиях. Один парень познакомился в шезелоне с девушкой и предложил ей выйти за него замуж. Она написала в стенную газету заметку о том, каким должно быть настоящее чувство. Возникли споры: разве не может быть любовь с первого взгляда? Пришлось провести диспут...

Володя сдружился со всем вагоном, и все узнал, что на родине у него осталась невеста. Но вот и горки, где добровольцы распределялись по совхозам. Володя тут же послал Зине длинную телеграмму со своим будущим адресом.

Их группу ждали несколько саней, прицепленных к тракторам.

Тракторы пошли по снежной целине, прокладывая гусеницами широкие колеи. Вылезла легкая пелема. Рядом с Володей расположилась Нюра-трактористка, выступавшая на прошальном митинге. Она с детским любопытством смотрела вокруг, потом привалилась к возодвижому плечу и задремала, убаюканная легким покачиванием саней. Володя старался не шевелиться, боясь разбудить девушку.

В совхоз приехали под вечер. Все здесь выглядело не так, как они представляли. На главной улице уже стояли два длинных здания. Вокруг лежали деревянные детали сборных домов. Укрытые брезентами, стояли тракторы и другие машины. И лишь дальше виднелось несколько брезентовых палаток.

Комсомольцев встретил директор. Это был мужчина лет сорока, в новом белом полушубке, черной каракулевой ушанке. Из его слов выяснилось, что для вновь прибывших отведены недавно построенные дома; старожилы оособожили для них место, перебрели в палатки.

Но комсомольцы стали так горячо просить разрешения поселиться в землянках или палатках, что директор наконец не выдержал и согласился. Быть может, он вспомнил свои комсомольские годы и решил, что нельзя лишать молодежь той романтики, о которой он мечтал.

В палатках топилась чутурные печи, было тепло. Стояли железные койки, окрашенные голубой краской. Столовая была расположена в одной из палаток, а обед варился в двух походных кухнях, стоявших прямо под открытым небом. Это уже была настоящая фронтовая романтика.

В конторе, куда комсомольцы пришли на другой день получать назначения, выяснилось, что токарям и слесарям пока не найдется работы по специальности. Совхоз получал новые машины, ремонтировать было нечего. А вот строители были нужны дозарезу. И через пол-

часа Володя вместе с товарищами стоял возле детской сборной домов и выслушивал наставление бригадiera.

Новая работа ладилась плохо, детали по-прежнему не подходили одна к другой. Но бригадир — человек лет тридцати, с русской бородой, видно, недавно отпущенной, — успевал каждому дать совет, показывая, как надо подогнать детали.

Однажды, вернувшись со станции, Нюра позвонила Володе.

— Пляши! — сказала она, показывая закутую в рукавице бумажку.

Плясать на дворе не хотелось, и Володя сказал шутливо:

— Лучше я тебя расцелую, Нюша!

— Целуй! — шутливо рассмеялась она, чуть откинув зашнурованный платок.

Володя мчнулся ее в щечку и выхватил бумажку — испуганно и обрадованно.

Это была телеграмма от Зины. «Поздравляю приездом, желаю успеха работе. Все благополучно, Приеду, когда потеплеет. Целую. Зина».

Он много раз перечитывал эти слова. Между Зина телеграфировала, что придет лишь с наступлением тепла? Неужели она испугалась морозов?

Снова и снова читал он телеграмму, не замечая, что Нюра уже ушла. Потом успокоился. Главное, придет. И пришлось повторить про себя последнее слово: «тепло». Какое хорошее слово, и как здорово, что можно его передать по телеграфу за тысячи километров!

На другой день он встретил Нюру.

— От кого получила телеграмму? — спросила она. — От матери?

— Нет, от Зина.

— Что шнест? — спросила Нора, стараясь придать голосу равнодушный тон.

— Шнест, что придет. Только пока задерживается.

— Это хорошо, что придет, — сказала Нора задумчиво. — Напши, пусть скорей приезжает. — И так же поспешно, как накануне, ушла.

Тракторы ежедневно привозили со станции строительные материалы. В совхозе была оборудована мастерская, где молодежь обучалась плотницкому и столярному делу. Володя попрежнему работал на строительстве сборных домов. Теперь дело шло успешней.

Как-то Нора привезла Володе со станции письмо. Но теперь уже не потребовалось, чтобы он писал, а сунула конверт на ходу, невольно удивившись и пошла дальше к своим сборным домам. Теперь дело шло успешней.

Зина сообщила, что мать после долгих споров согласилась ее отпустить, но не дает ничего из вещей. «Она, как маленькая, заприкасалась и все, — писала Зина. — Не торговаться с ней! Главному, забрала шубку и заперла в сундук. Дождусь тепла, приеду и без пальто». Дальше шли различные городские и заводские новости. Писала Зина и о том, что несколько раз была у родителей Володи. Писала кончать словами: «Не огорчайся, скоро увидимся».

Володя пожалел, что не успел еще ничего написать, а то можно было бы послать ей денег на пальто, чтобы не зависела от капризов матери.

Зина затанцевала. Снова начались снегопады, тракторам приходилось пробиваться сквозь снежные завалы, чтобы доставить в совхоз грузы. А они все прибывали. Шли сборные дома, лесоматериалы, мебель, новые машины, станки.

На краю поселка стоял мастерская. Небольшой дымок уже осыпал дома и палатки. В одной из комнат стандартного дома открывался пейзаж. В дни полудня здесь всегда бывало шумно.

Как-то Володя зашел купить хлеба. У прилавка он увидел Нору. Приблизив к груди голубой карандаш, она смотрела в небольшое зеркало, висевшее на стене. Володя привнес Нору в стесненное или похуже. Он несомненно удивился, заметив, что ей очень идет этот шнел, красиво оттеняющий ее свежее лицо. Глаза Нора были широко раскрыты: то ли она любовалась собой, то ли матерью.

Володя Володя девушка смуглая, но тут же спаладела собой и спросила:

— Как по-твоему, брат?

— Тебе идет, — сказала Володя.

Из магазина они вышли вместе. Но небу пылала большая фиолетовая туча. Чувствовалось, и вот наступит она должна разразиться снегопадом. Но Володе казалось, что ветер, дуящий из степи, пахнет весной.

— Что ж Зина не едет? — неожиданно спросила Нора.

Володя рассказал по последнее письмо.

Выходит же так! — воскликнула Нора возмущенно. — Пальто отобрать... Они подошли к недавно законченному дому, где теперь жили трактористы. Нора кинула ему и убежала на крыльцо. Володя подумал, что она торопится показать покупку подружкам.

Ему вспомнилось, как еще совсем недавно они собирали этот дом и детали в нескольких руках ювонков-строителей никак не хотели походить друг к другу; все время получалось переделывать. А теперь на окнах уже висят марлевые занавески, над трубами высятся дымоки. И Володе было приятно думать, что он тоже строил дом, в котором живет Нора и ее подружки, привыкшие поднимать эту степь.

Вечером Нора привезла Володе на палатки на улицу и вложила ему в руку какой-то пакет.

— Пошли это Зине, — сказала она. — Пусть скорей приезжает. Вернее, когда заработает, тебе и убежала.

Володя развернул бумагу, в ней оказалась деньги — тысяча пятьсот рублей. Наверное, Нора отдала все, что у нее было. Хороший она товарищ. Теперь Зина сможет купить теплые пальто и приехать, не дожидаясь весны. Жаль, что пакет уже закрыт, придется отложить отправку денег на утро. Смешная

Нора, убежала. Он даже не успел поблагодарить.

Утром Володя послал деньги и длинную телеграмму, в которой уговаривал Зину поскорей приехать. Ему казалось, что она пропущает все самое интересное: пробуждение степи, строительство новых домов, мастерских. А когда придет, пожалуй, и палаток уже не будет.

Теперь он отсчитывал каждый день. Вот Зина получила деньги. День — два на сборы. Потом дорога. Конечно, она придет телеграмму о выезде. Володя не хотел признаться самому себе в том, как он чувствует себя все. Конечно, весь день он занят. Но по вечерам так не хватает Зины! Володе бы пойти вместе с ней в заснеженную эту степь, говорить обо всем пережитом и строить планы на будущее. Особою надеждой строителю степи были индивидуальные домики. Хорошо бы получить такой домик!

Вскоре пришло долгожданное письмо. «Спасибо за деньги, — писала Зина, — во мне уже не кужды. Мама вернула все своим, поняв, что этим меня не остановишь. Я могу быть счастлива только с тобой».

Прочтя эти строки, Володя удивленнозначит, скоро они увидятся. Он ждал, представляя себе, как Зина соскочит с саней, ухватившись за самые глаза в теплых пальто... Но тут же захмурился. Дальше Зина писала, что мать пыталась подыскать ей жениха: «Зачастую я найду один инженер, довольно симпатичный. Сидит по вечерам с мамой, разговаривает о погоде. Как-то я ему сказала, что скоро уеду к тебе на целинные земли. Он как будто огорчился, но кохотить продолжал».

Володя дочитал письмо и задумался. Нет, Зина не такая, чтобы увлечься кем-нибудь. Но почему же она не пишет, когда выезжает?

В ответном письме Володя снова уговаривал Зину поскорей приехать и просил привести отроки домашних швестов.

Володя не дождался заветной, — писал он. — А здесь их не достать. Десяткам хочется украсить свое обожженое, красный уголок. Ты посади отроки в один горшочек, чтобы легче было внести, а здесь расставить».

Весна пришла неожиданно. Снег сначала потемнел, осел, потом заструился ручьями. По ночам где-то в вышине проносились косяки диких птиц, слышались их голоса. Теперь уже по-настоящему зашло веселье.

Снег сошел в несколько дней, обильно бурную степь, покрытую пропавшей травой. А еще через несколько дней степь залиловела. Это расцвела какие-то никому не известные цветы.

Каждый день новоселье вывозили в поле, посмотреть, когда же можно начать пахоту. И вот наступил этот торжественный день. Десятки тракторов вошли в степь. Проехала и Нора на своей машине, необычайно сосредоточенная. Увидев Володе, кинула ему письмо. Возвращая степь, превращалась в пахотное поле. Володе было обидно, что Зина не участвует в этом празднике, не видит первых пахоты земли, поблескивающих на солнце.

Все дальние и дальние уголки борозды. Володе казалось, что это в радостном гуде идет по степи новая жизнь. Зина, милая Зина, что же ты не едешь!

Так незаметно наступило и лето. В сумерках молодежь вывозила в поле. Смотрела на первых робкие стрелы пшеницы, пала степь. В эти вечера Володя особенно тосковал по Зине.

В один из таких вечеров Володя возвращался из мастерской. Везде было слышно вылазку грузовая машина. Из кабины высочила Зина. Да, это была она, в знакомом пальто, в голубой косынке. Забыл, что пальцы у него в музете. Володе крепко сжал ее руки.

Приехали! — проговорил он, все еще не веря, что Зина снова с ним. Вечером девушка рассказывала в ящикки привезенные Зини отроки цветов. Нора иногда поглядывала на Зину, словно проверяя, будет ли Володя с ней счастлив. Но Володе казалось, что Нора тоже любит Зину.

Потом он пошел с Зиной в степь. Было темно, крупные звезды горели в небе. Ветер тихо шелестел колосьями, разносил запах хлеба. Володя и Зина вступили в разговор о своем бескрайнем поле, и как хозяин вел по нему свою пахоту.

Николай ПОВАРЕНЧИН

ПЕРВЫЙ ДОМ

Из Мордовии до Казахстана Новый дом на колесах доехал; Снят с машины он бережно краном И поставлен, как первая вежа.

Здесь поселку расти над степью Неоглядом широко целинной, Где разбиты палатки весною Трактористов с родной Украины.

Вышли плотники с топорами, И взлетели курчавые стружки, И уже малыми под ногами Выбирают щепу на огружьи... г. Рязань.

Г. ПРЕСМАН

ЭКЗАМЕНЫ

Прошумел весенний дождь, и снова Нет на тебе тучки ни одной. До чего ж придумано толково Проводить экзамены весной!

Я уверен, так или иначе, Только всё, до малого счета, Если б говорил могло, удачи Пожелало б мне наверняка.

Год прошел, а позабудь, попробуй, Мысль, что по ночам мешала спать: Дескать, вот, мол, сякыхся с учебой И начнешь в работе отставать.

Днем завод рабочих шумом полон, Вечерами — книжка и блокнот. Крепко подружились мы со школой. И теперь, успешно кончив год,

Стал черткать читать быстрее агро, И в минуту под любую стал Бес обиход свой ставить настрою И различу сложную задачу.

И скажу, совсем не ради рифмы, Если откровенно разбирать, Снисуи и даже лагорифы Стали мне в работе помогають. г. Воронеж.

Григорий ЛЮШИН

ЗВЕЗДА

Я думаю, буду астрономом И в пятнадцать летовой году За миллионы верст над домом Открою новую звезду.

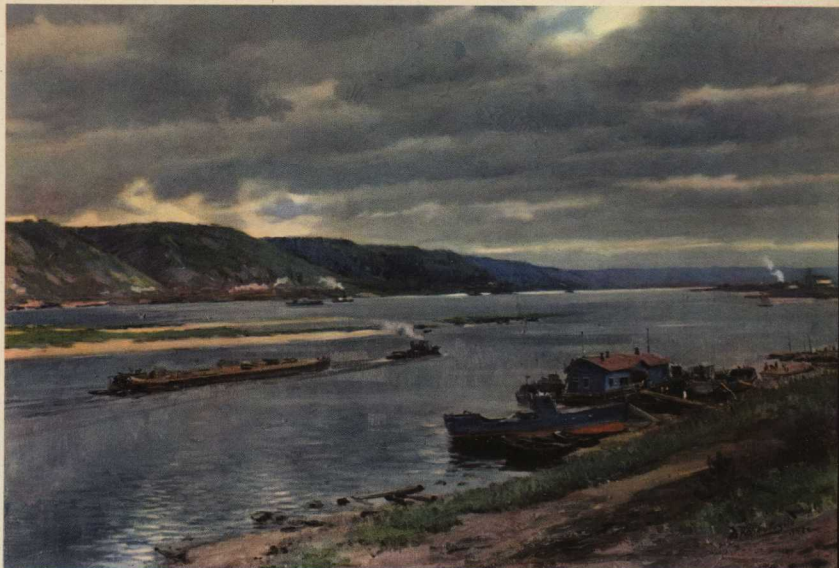
И обязательно жартильей Ее по названию зову... Но я в тот год пошел учиться Совсем в иное мастерству.

Порой бывает, ночью мглыстой Варю высоко на лесях. И от звезды моей лучистой Все звезды меркнут в небесах.

Борис КЛИМЬЧЕВ

ПОСЛЕ РАБОТЫ

В ветях, что тихо шепчут за аулом, Луна огромным блоком висит. Сложным самок... В колхозе все уснули, Лишь трактористка-девушка не спит. Она склонилась у окна над книжкой, А за окном колышет садом. И ветер, в них проворшив, как мальчишка, Срывает с веток спелые плоды. Уж скоро полнок. Золотой полоской В одном из окон яркой степи горит, Там про любовь к Отчизне... Маковский С колхозницей-туркменкой говорит. г. Ашхабад.

Выставка произведений художников РСФСР 1954 года.

Д. Кормилицын. «На Оне».

Н. Кузнецов. «На узловой станции».

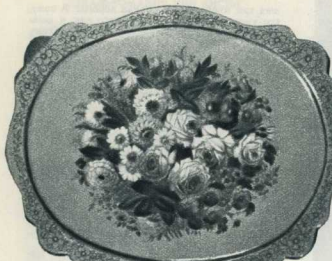

Город Кировск, Ремонтно-механический завод. Молодые сталевары (слева направо): Виктор Серебряков, Иван Брюхаль и Дмитрий Дубинцев довольны: очередная плавка дана сверх плана.

Фото А. Моклецова.

ИСКУССТВО ЛЮБИТ УПОРНЫХ

Фото В. Сметанина.

Жестово — деревня большая. Посредине — зловонный ядом пруд. Дома с пазл-салдыками стоят на породах друг от друга растояния, цветные наличники окон украшены искусной резьбой.

Живут в этих домиках бок о бок колюхи и жепонцы, полведки колхоза имени Буденного и рабочие-шляпники из артели «Металло-поднос». В какой дом ни зайди, не на столе, так на стене увидишь яркий, брызжущий цветами красками лакированный поднос, подтрафник или круглую декоративную тарелку.

Еще в 30-х годах прошлого века Жестово было известно своим художественным кустарным промыслом.

На всех ярмарках старой России встречались расписанные масляными красками подносы с «барыней», «букетами», хатками и лебедями. Рядом с этими яркими, цветистыми подносами были и другие, всего в два цвета — черной с желтым, «под черенку». Продукция жестовских кустарей шла даже в Турцию и Персию. Жестовские кустары знали десятки способов украшения подносов, владели инкрустированной и контурной росписью, лессировкой и бронзировкой.

От отца к сыну передавались мотивы росписи, навыки и секреты мастерства. От поколения к поколению вырабатывалась своя, жестовская, стиль, хитрости и богатство традиций замечательного народного искусства.

Великая Октябрьская революция освободила мастеров-живописцев от перекупщиков и предпринимателей, сделала безымянных ремесленников настоящими художниками. Объединившись в 1924 году в художественную артель, бывшие кустары вышли на широкую творческую дорогу.

Виртуозно расписанные цветами подносы, сушарницы, подтрафники, детские игрушки и много других вещей жестовской работы пользуются и ныне широкой известностью не только в Советском Союзе, но и за его пределами. Жестовская роспись неоднократно экспонировалась на всевозможных и международных выставках.

О ЧЕМ ДУМАЕТ ВОЛОДА БАЛАШОВ

Дальняя, словно сахарная роса окутана синим туманцем. Мороз лютой. Даже дома одеты в косматые шубы: наружные стены до самых крыш обложены сухой оской. Так принято здесь удерживать тепло на зиму.

Но стоит войти в цех живописи артели, и о морозе забываешь сразу. Зима никогда не переступает этого порога: под кистями живописцев распускаются алые маки, алаяжгой голубой цветут пятилистники.

Мастерская просторная, светлая, с высокими окнами. За тремя длинными рядами столов работают живописцы. Большинство — молодежь, девушки. На коленях у каждого — поднос, с которого или уже глядят, или живописцы, или еще только начинают проглядывать цветы, но каждый из цветков со своей особенкой.

Работа живописцев, как и всякое настоящее искусство, не терпит штампа. Из многих сотен

подносов не найдешь и пары «близнецов». У каждого художника свой манера, свое чувство цвета, свое, наконец, настроение...

Угадать настроение Володи Балашова по выражению лица трудно. Сегодня он молчит, весь ушел в работу. Но, следя за его быстрой кистью, сможешь: настроение у него «осеннее». Вот уже на третьем по счету подносе среди синих цветов то тут, то там неожиданно появляются желтая настроение, среди сочных листьев лет-лет, да и выскочит тронутый багрянцем, словно увядающий лист.

Клава Аксенова, переговариваясь с подружками, часто смеется. Цветы у нее крупные, так и веселят глаз, один ярче другого. Те же, что и у Клавы, красивые маки пишет и Зоя Побитова. И все-таки рисунки у них получаются разные.

Володя Балашов, Клава Аксенова и Зоя Побитова — воспитанники Федоскинской художественной школы. Работать в артели они начали сравнительно недавно. За ними особенно внимательно наблюдал Андрей Павлович Гоги — художественный руководитель артели. Он осторожно, тихой, скользкой походкой движется между столов так, чтобы не помешать мастерам, которые уже много лет работают под этим прищуренным задумчивым взглядом.

— Искусство — хоть музыка, хоть наша роспись — любит упорных, — говорит Андрей Павлович своим тихим-тихим голосом. — А сядь, — Андрей Павлович знает в сторуку Федоскинец, — они, кажется, из упорных.

Володя Балашов, невысокого роста, худощавый, и даже по одному движению кисти видишь — порывистый, сидит в углу мастерской, налево от двери. Над карманом коричневой лыжной куртки — три спортивных значка. Испрошивает он легко, кистью владеет сменю. У переноски — напруженная морщинка. О чем он думает? Не о цветах же...

У ТАЙНИКОВ СТАРИННОГО РЕСМА

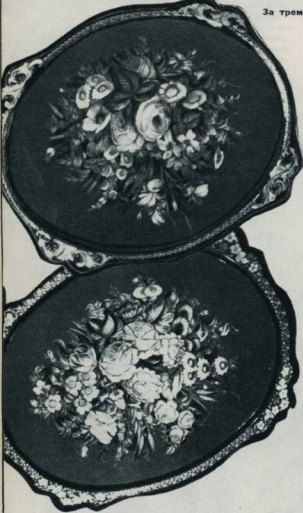
Их трое: полная, всегда веселая Клава, медлительная Зоя и порывистый, деловитый Володя. И у всех троих одна дорога, одно желание, один вкус. Учас в Федоскинской художественной школе, они читали одни и те же книги; когда всем курсом ходили на этюды, писали одни и тот же пейзаж, ревниво следя за успехами друг друга. Встреча уникальней, с фигурно выгнутыми краями поднос, с алым, голубым, серебряным полем, на котором цветы — тронь пальцем — дрогнет лепесток, — они

Старый мастер С. А. Пыжов беседует с Володей Балашовым, Валентиной Анашкиной и Клавой Аксеновой об особенностях местного мастерства.

За тремя длинными рядами столов работают живописцы.

телось все хорошо «обдумать». Детство его прошло в Казахстане, отрочество — в Шелтове, на родине Павла Корчагина; три года — в Фелдоске. Теперь ему казалось, что с первых рисунков, с первого паровозного гудка он ехал и шел именно сюда, в Жестово.

В музее артели Володя увидел работы замечательного мастера жостовской живописи, покойного Ивана Степановича Леонтьева. Такой выразительной лирики красок он еще не встречал. От лакированных другого прославленного жостовского мастера, Кледова, веяло простодушной красочностью любочных картинок. Музей походил на своеобразную картинную галерею. Со стены смотрело строго, прекрасное лицо Зои Космодемьянской и вдохновенное — Пушкина; рядом со сказочными сюжетами — причудливые, во весь поднос, орнаменты...

А в деревне чуть ли не в каждой избе встречаются подносы с кабытками мотивами рисунка — птичка, звездочка...

На улицах Жостова Володя не раз встречал стариков — хранителей чудесного ремесла. Белез — старик со своим «секретом». От отца он унаследовал умение варить копаловый лак — дело тонкое и трудное. Таких мастеров, как Белез, не найдешь. В 1945 году за него приезжали сами паляшане. В шкафу у него хранились образцы копала — прозрачножелтые куски, похожие на подкрашенные льдинки. В одном, если посмотреть на свет, синеватая муфта, может быть, африканская. Копал — смола тропических деревьев, просочившаяся в землю и пролежав-

шая там много лет. Материал дорогой. А тому, кто умеет удачно сварить из него лак, и цены нет. До сих пор поговаривают, что не всякому откроет Белез свой «секрет».

В третьей избе от пруда живет Пужов — последний жостовский копальщик. Между печкой и стеной у него есть «мастерская» — именная каморка в полтора квадратных метра площадью. По ночам, когда вьюки уснут, он зажигает свои лампочки, подвешивает поднос и, вооружась лампочкой с красноватым язычком пламени, начинает свою осторожную, кропотливую работу — рисует огнем...

Жестово захватывало Володю.

И вот на столе палитра, в руках кисть и черная, как воронья лапа, поднос, который, прежде чем попасть в живописный цех, прошел через руки прессовщиков, резчиков, ковалей, шлифовщиков, лакировщиков. В него вложено много труда. Он зеркально блестящий, его трижды лакировали, осторожно просушивали в печах. Теперь все зависит от живописца.

Но не так-то легко давалось мастерство жостовской росписи. Сказались недостатки производственного обучения в школе, отсутствовало вышко — первые свои подносы фелдоскинцы расписывали по три — четыре дня каждый, в то время как старые мастера артели успевали расписать за день по шести штук.

Володя Балахуну подолгу сидел за работой Матвея Родионовича Митрофанова, старейшего живописца артели.

Низко склонился над работой и часто откидываясь назад, чтобы взглянуть на рисунок со стороны, старик затем ударил кистью стремительно и уверенно. Разметив композицию поочередно сразу на шести подносах, он в той же очередности прокладывал на них контуры, грунтывал и в том же порядке, переставляя подносы с одного места на другое, меняя краски, выписывал сначала желтые, потом белые, синие цветы, клал блики, тени, писал «стражку».

А через два стола от Родионовича сидел Николай Гогин — ни малейшего напряжения. Перекинешься с соседями, глядят по сторонам, а кисть скользит по лаковой глади плавно, волнообразно, то касаясь ее самым кончиком — тоньше иголки, то прижимаясь к ней плотно, так, что сама становится похожа на широкую лезвие. Любителю музыки, баянист, он работает, словно пою поет.

У каждого мастера свой почерк, свой мазок, и не только мазок кистью. Однажды, наблюдая за работой одной пожилой художницы, Клава Аксенова замерла от неожиданности. Работница, выписывая самую сердцевину цветка — мелкий ворс тычинок, — кончила вдруг ветку, что ударила по тому месту кончика безмянниного палочка — и цветок ожил.

Заметив удивление Клавы, работница несколько смущилась, а потом сказала:

— Прием этот иногда очень помогает. Новотягильки вообще долгое время не пользовались кистями.

Свой прием она переняла у них, когда те сюда приезжали.

На этюдах.

понимающе переглядывались. Когда это сделано? Чья это работа? Как называется растение, которое вписалось в орнамент?

До глубины души их трогало искусство жостовских мастеров. И вот, успешно слав госэкзамены, они вместе с другими выпускниками Фелдоской школы направлялись в Жестово.

С легкими чемоданами в руках, группами и в одиночку, молодые специалисты проходили по зеленой деревенской улице мимо развесистых лип, мимо домов с торчавшими герани на подоконниках, мимо магазинов, клуба, почты.

Деревня поправилась. Сразу за сельсоветом, в стороне от дома, белеет каменный корпус. Это и есть Жостовский художественный артель. Фелдоскинцы оказались в центре внимания всей артели. От них ждали многого: ведь они изучали много специальных дисциплин.

В первые дни на новом месте Балахуну хо-

ДЕКАЛЬКОМАНИЯ ИЛИ КИСТЬ!

Прошло около года. Мало-помалу федоскин-ский стиль выравнивается с коренными жестовскими мастерами. Писали быстрее, сортировка повышалась.

Клава становилась все оживленнее, Зоя — спокойнее, а Володя Балашов — все задумчивее и скупее. Это было непонятно: с цветными по рисунку розам стал называть «цветками», но по утрам, прежде чем взяться за работу, подолгу стоял у стола и смотрел в окно, за которыми еще клубилась расстаявшая муть.

Стол у Володи громоздкий, почерневший, с выдвинутыми ящиками в двумя дверцами. Над ним трубка люминесцентной лампы.

Коробка с пробками красок, пласт эленоватого стекла с пятнами охры и киновари — все это есть на каждом столе. Открытки, цветные вырезки, фотографии — только на столе у Балашова. Он перелистывает пыльную, испорченную книгу с цветными вставками — «красья бабочек».

— Скоро, девочка, работа пойдет быстрее, — говорит Клава Алексеюна, — опять из института приезжали. Разрабатывают метод декалькомани. Это как переводные картинки... — Значит, кисти в сторону?

Володя не вступает в разговор. Декалькомания принесет штамп, число красок в ней ограничено... Убрал книгу в стол, он принимается за работу.

В трех ходит Шапкин. Он часто появляется здесь, становится за спиной Матвея Родионова и подолгу стоит, глядя куда-то вглубь сада. Ключки бровей высоко вскинуты, на лице застывшая улыбка; он словно прислушивается и хочет уловить шорох кистей.

Володя знает его историю. В этой мастерской Шапкин работал двадцать лет. Вместе с Матвеем Родионовым они писали жестовские ландшафты: лачуги при туле, белые лебедки на синей глади воды и многое другое. Сейчас он работает вахтером-источником. Древний жестовский пейзаж стал не нужен — устареда тематика, этого теперь не пишут. Цветы уже не давались, и кисть пришлось оставить.

Тому, что на Шапкине и Митрофане кончается жестовский ландшафт, Володя не удивляется. Его волнует другое. Жестовское копчение копается на Павлове. Старик с секретом — Андрей Тимофеевич Белен, мастер копалового лака, тоже не имеет учеников. В старке же положены и Хлудов Сергей Петрович — незаменимый юваль-виртуоз, из-под молотка которого выходят изделия самых разнообразных размеров и очертаний. А в артельной школе учат одному — писать цветы...

Но замечать недостатки легко: они сами бросаются в глаза, о них много говорят на собраниях. Трудно бороться с ними. А бороться надо не словами, а... красками!

По воскресеньям Балашов брался за свои полотна: этюды, натюрморты, кони с репродукцией Шапкина. Эта работа была не только «для души», это была учеба. Хотелось написать поднос с пейзажем.

Еще в школе он копировал картину Шапкина «Среди долины ровныя». Теперь снова и снова повторял ее, хотел писать. Аксенова по самой дороге, учился писать ее быстро. И с каждым днем росла уверенность: он сделает пейзажный поднос. Нельзя допустить, чтобы с жестовских вещей исчез пейзаж!

ЗИМА НА ПОДНОСЕ

Поднос «Среди долины ровныя» Балашов писал два дня. Старые мастера смотрели на широкий дуб развесистый, на расквашенную за ним несезонную ширь, и во взгляд по их глазам, что работа им нравится.

— Да именно не видел таких подносов, — сказал Митвей Родионович. Он ведь, бывало, когда творил отравлялись, девять с половиной, десятая с ландшафтом...

Поднос одобрили и поместили в музей. Володя это не радовалось. Он понял, что идет не по тому пути, задача осталась невыполненной. Для массового выпуска это не годится: не многие мастера возмущаются за копирование, слишком долго приходится работать над конией. И совсем убавляется логика. Аксенова.

— Разве это жестовский стиль? Клеючим здесь и не пахнет.

— Что ж, совсем отстанемся без лавашафта?

— Чем лечить мертвого, пиши цветы. За три дня ты написал бы восемнадцать подносов. Ведь когда говорят: больше красивых товаров народного потребления, — это нас клеветают...

Они уже не помнили друг друга, как раньше. Отработать технику письма, писать все быстрее и быстрее — оставалось Клаву поочему-то несколько не интереснее.

А вечером подошла Зоя Побитова и неожиданно призналась:

— Завешь, Володя, скучно стало с этими цветами. Хочу в Федосово перейти. По плану ведь одна цветы все время пишем... Ремесловщинами станем!

...Снегавый снег перебивается искрами, шинял под лыжами. Сегоднешнюю тушу можно написать зеленой краской, если подложит под все обрезок золотой потали. Так и заиграет...

Чтоб взорвать на артельных выданных пейзажах, нужно сочетать два стиля — жестовский и федоскинский. Почему не займется этим художественный совет? Устарели хатки, лебеди? Нужно разработать новую тематику ландшафтов, выйти простой рисунок, но хотя бы эту, что на бугорке, березу. Завидевшая, хрупкая, ствол осы, как выходящая из дыма и серебра. Зима на подносе! Почему никто не рисует это, собственно, небольшой.

ВОЛОДЯ ИЩЕТ

Старые живописцы и молодые мастера с одинаковым подъемом готовились к конкурсам.

Конкурсы — два одновременно — был объявлены Ресурсыминовским и Научно-исследовательским институтом художественной промышленности. В них будут участвовать минималисты из Мстеры, палеанцы, агроские резчики по дереву, ботородские итрусичники, федоскинцы со своими катушками — мастера самых разнообразных видов декоративного и прикладного искусства.

— От нас ждуть жестовских цветов. Зачем обманывать приятные ожидания! — таково было мнение большинства.

— Нет, над этим надо еще подумать, да и не мне одному, какой пейзаж годится для подноса?

Володя искал сюжет.

Через день он уже обсуждал с Андреем Павловичем свой карандашный эскиз. В центре композиции — крупный герб Советского Союза. Вокруг по овалу среди виноградных лоз, колокольчиков и цветов хлопчат — гербы союзных республик.

Работал Володя быстро, а когда окончил, оказалось не то. Написанные контуры гербов — А ты, наконец, за пейзаж возьмись! — спросила Зоя Володя.

— Нет, над этим надо еще подумать, да и не мне одному, какой пейзаж годится для подноса? Володя искал сюжет. Через день он уже обсуждал с Андреем Павловичем свой карандашный эскиз. В центре композиции — крупный герб Советского Союза. Вокруг по овалу среди виноградных лоз, колокольчиков и цветов хлопчат — гербы союзных республик. Работал Володя быстро, а когда окончил, оказалось не то. Написанные контуры гербов — А ты, наконец, за пейзаж возьмись! — спросила Зоя Володя. За краски он взялся через два дня, чтобы написать Спаскую башию. И опять неудача: поторопился — башия оказалась смещена отстоянием лавы подлеска. Он повторил рисунок. Наконец поймал настоящий жемчужнопепельный тон, который долго ему не удавался. От строгой величавости башии теперь по-настоящему лавовые венчики. И снова неудача: свежая лавна дуба и лавра, обрамляющая поднос, вывалилась из общего колорита. Так

В выходной день на улице деревни Жестово.

досаду, что хоть берись за цветы, — там же знакомое, куда набить не ошибешься.

Володя покинул свой угол и долго ходит по мастерской. Над огромным подносом бледнозеленого цвета сияет Павел Иванович Павлов. Пишет цветы. Пишет цветы Николай Гогин и тежка его Антатов. Цветы пишет и Андрей Павлович Гогин. То нарядные, розовые, то поскромнее, с мягкими бликами. Перед глазами одна цветы. А Володя, Володя, как быть? Не ввязаться ли за что-нибудь поновее? Вспоминаешь, один поднос со звездами, ясные, мальчишеские, они рассыпались по бархатисто-синему небу... Да мало ли что еще можно изобразить! Надо искать.

Зоя Побитова опустила кисть. В глазах тревога, хотя белые стены Главного павильона сельскохозяйственной выставки, который она рисует, есть только едва протоптаны.

— Трунун! — спрашивает Володя и подбадривает: — Ничего, ничего, Зоя!

Валя Иваншина пишет большое павило, посвященное дружбе народов. Краски у нее праздничные. Она пишет с ползателькой потали — тончайших листочков «золота». Стои! Впервые за этот день Володя улыбается. Кажется, нашел. Писать башию по бронзе!.. Он спешит к своему столу, набрасывает силуэт башии и осторожно брызгает его — покрывает «вторым лавовым». А уже по золоту поддут красные стропчионовые, скользящие... Держитесь, «цветки»!

***

— Вот так и живем, — говорит своим тихим голосом Андрей Павлович Гогин. — Тышка у нас, деревня, кажется, ничего не происходит особенного. А Балашов на конкурсе вторую премию присудили. От Балашова я ожидало многого. Зубит ищет, упорный! А искусство любит упорных.

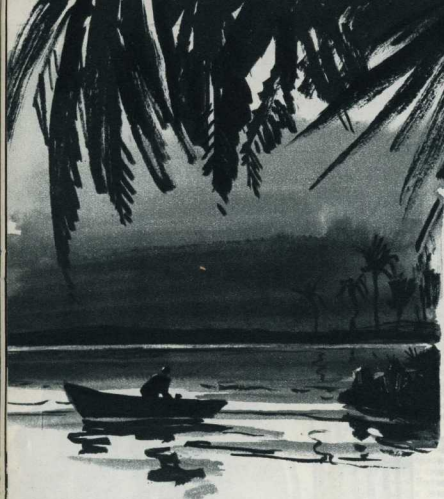

Рисунок Г. Храпака.

Моноз БОШУ

Ушарамис

Рассказ

Моноз Бошу — известный индийский романист. Его перу принадлежит более сотни книг. Они посвящены жизни простых

ЧИТАТЕЛЯМ «СМЕНЫ»

Приветствую молодежь Советского Союза. Она построит новый мир, мир, свободный от крови и слез. И я, бенгальский писатель, нетерпеливо жду наступления этого сверхакового дня.

Моноз Бошу

Рвни погибла. Конечно, погибла, мы в этом нисколько не сомневались. Послушайте, как все это произошло.

Я случайно поехал в Пури. Ехать туда должен был дядя Джотшиор. Он как железнодорожник получил бесплатный билет, но внезапно спег; у него усилился ревматизм, и он предложил съездить мне.

— Поезжай, Шонкор, — сказал дядя, — зачем пропадать билету. В Пури живет наш Чокробрти, навещай его.

Чокробрти — это Ононто Продад Чокробрти. Не знаю, помните ли вы, как оживленно в свое время газеты комментировали женитьбу старика. Сыновья ожесточенно ругались с отцом по этому поводу, и Чокробрти подозревал, что они были в сговоре с газетчиками... Шум этот давно уже утих. Чокробрти жил в Пури вместе с молодой женой и детьми от первого брака. Один из его сыновей был близким по коллежке другом дяди Джотшиора и теперь служил в качестве ухаживателя.

Утром я был уже в Пури. Остановился в гостинице. Вечером отправился на рынок Ононто Продада. Он жил здесь давно, и многие его знали. Нужно было пройти немного вдоль моря, затем свернуть направо. Там, на приморской улице, в прохладной тени тамарисков спрятались большой двухэтажный дом.

Чокробрти я застал в прихожей как раз в тот момент, когда он собирался на прогулку. Подвели инвалидную коляску, и двое слуг помогли хозяину усесться. В комнате находились дети и какая-то женщина, несомненно, вторая жена Чокробрти. Увидев меня, она удалилась во внутренние покои, оставив тонкий аромат дорожек дуков.

Чокробрти посмотрел на меня с нескрываемым раздражением. Его длинное, худое, сердитое лицо выражало негодование. Я понял, что мне не следовало явиться сюда без предупреждения.

— Что тебе нужно?

Я молча вручил письмо Джотшиора. Борна что-то под нос Чокробрти полез в карман за очками. Бегло пробежав письмо, он отложил его с пренебрежением в сторону и сердито спросил:

— Что же я должен сделать?

— Ничего, — коротко ответил я, и тотчас же вышел.

Разве я пришел проситься на службу или собирался опустошить его кладовые? Интарсно, кому избердет в голову ходить в таком доме! Ну и дал же дядя мне поручение! Нет, больше моей ноги там не будет...

Наде всего я проводил время в гостинице, отдыхая и беседами с постояльцами; по вечерам иногда прогуливался по берегу моря.

В один из знойных дней, когда там было особенно мало народу, я отправился к морю. На песчаном берегу неожиданно увидел знакомую коляску, в которой восседал Чокробрти. Я поспешил прошесть вперед, стараясь не глядеть на него. Когда возвращался обратно, то увидел возле коляски престеленную жену старика.

После этого я часто стал ходить туда и каждый раз заставлял их на одном и том же месте.

Газеты в свое время писали, что «...необычайно красивая девушка уступила жадности старика» и еще что-то в том же роде. Поэтому меня разбирало любопытство посмотреть на эту женщину, но никак не представлялось удобным случаем. В конце концов мне все же удалось увидеть ее, и не один раз.

Вот как это было.

Оставив зюмбак на тулите, она спускалась на берег. Угрюмо я и столкнулся с незнакомкой. Взглянув на нее, я был эвристиком голом и увидел эту женщину!.. В ту минуту мне не удалось вспомнить. Казалось, я ее знал, встречался с ней где-то. Но где?

Женщина взглянула на меня и тотчас же отвернулась, закрыв лицо платком. Она так поспешно ушла, что я не успел и слова вымолвить.

Ночью, лежа в постели, я не переставал думать о ней. Кто же она?... Ее лицо так похоже на лицо Рани... Но ведь Рани погибла, это было зафиксировано в полицейских отчетах, и сомневаться в этом не было никаких оснований.

Я погасил свет, и когда комната погружилась в мрак, в памяти моей стали ярче возникать картины прошлого, картины того, что произошло много лет назад.

Тогда я жил в студеском общежитии, которое представляло собой тесную комнатушку с крышей из пальмовых листьев. Зимой мы, студенты, спали на полу, а когда начинались дожди, делали топчаны из банюка: болели, чтобы не запоздали змеи из джунглей.

Один из моих друзей, Кунтолда, учился на четвертом курсе. Впрочем, его фамилия уже не столько лет числилась в списках этого курса. Из дому на его имя приходили деньги, хотя он давно выехал из общежития. Кунтолда за вечер и место под крышей занимался с сыном одного брахмана, Дварика Чатурдже, который жил в нескольких милях от нашей лагун. Деньги, которые продолжали высывать ему родственники, Кунтолда расходовал на... Однако не будем пока об этом гово-

1 Частича «дядя, привабливый и именн в Бенгалс оживает дружески-потнтийное обращение; в сувавийном смысле «стерший бран». (В примечанно к переводчику.)

реть. Я и удивлялся и огорчался, видя, как живет Кунтол-да: ему приходилось после обеда убирать со стола и мыть посуду, так как Дварни Чатурдже тоже жила вместе со мной и не было.

Часто после занятий,— как правило, в воскресенье— мы приходили к нашему другу Кунтол-да. У него мы познакомились с дочерью Дварни— Рани, вернее, Умарани, девушкой лет восемнадцати—девятнадцати.

Собираясь у друга, мы обычно читали разные книги—Гиту, Анандо и другие. По уму Кунтол-да мы должны были читать Гиту каждый день и поддерживать еще неясные места; по воскресеньям Гиту Кунтол-да разъяснял нам их самым совершенно по-своему, совсем не так, как в печатных бенгальских комментариях.

Во время этих бесед мы невольно обращали внимание на Рани, которая ждала, пока Кунтол-да кончит слово, а затем превращаясь в слух.

Иногда мы сидели на берегу реки Бойрой, которая протекала около нас. Рани тоже приходила сюда под разными предлогами: то набрать воды, то постирать белье.

Как-то в сезон дождей с утра разыгралась буря. Промокший, а с трудом добравшись до палатки, где стояла никогда не убиравшаяся постель Кунтол-да. В палатке царил полумрак. На кровати сидел Кунтол-да. У него был очень озабоченный вид. Присмотревшись, я увидел Умарани. Девушка примостилась прямо на полу. Из глаз ее лились слезы. Меня это поразило.

— Шонкор, это ты!— спросил Кунтол-да и указал мне на место рядом с собой.

Он молча стиснул мою руку. Я знал, что он чем-то сильно взволнован.

Наступила томительная пауза. Первым нарушил молчание Кунтол-да:

— Хорошо, пусть Шонкор скажет, какая нам будет польза от твоего участия. Я лично не могу себе этого представить. Ты зря огорчаешься, Рани.

— Вы не верите, что я говорю серьезно, и поэтому так рассуждаете,— со словами в голосе сказала Умарани.— Думаете, что если возьмете меня в группу, то дело пойдет быстрее.

Кунтол-да взглянул на меня.

— Совсем сошла с ума!— воскликнул он.— Шонкор, объясни ей хоть ты: разве страна—это слово земли и несколько деревьев? Страна—это все мы. Мы не жалеем сил во имя того, чтобы народ жил свободно, в свободной стране. Без толку никто не станет молча рисовать себя своей жизнью. Ведь правда, Рани?

Умарани возразила: — А вы? Вы разве не такие люди, как все?

— Именно поэтому я и не хочу принять тебя в нашу группу. Подумай: сколько лишних забот прибавится нам,— я, повернувшись ко мне, Кунтол-да добавил:— Почему я много не вижу? Почему не приходят остальные? Неужели дождливая погода отстудила ненависть к англичанам?

Г Пятая—точнее Валагана Гита— философия чистого великого древнеиндийского астрозабвара. Это слово можно не переводить. Оно принадлежит Брахмане Чаттерджи, крупнейшему бенгальскому писателю второй половины XIX века. (П. Яковлевич переводит чужды).

В этот момент Умарани воскликнула: — Я сумею вам доказать, что могу быть полезной, Кунтол-да! Что вы можете иметь против этого?

Кунтол-да, видимо, не нашелся, что ответить. Вопрос девушки явно озадачил его.

— Знаешь, Шонкор,—серьезным тоном продолжал он,— когда страна станет свободной, я сразу же сошлю эту sentimentalную девушку на Андамские острова!.. Рани, я все рассказываю твоему отцу, на самом деле рассказываю! Ты брахманка, а ведьшь себя словно кайста? Как будто ты и не происходишь из знатной касты...

По правде сказать, я эту минуту и не разделял шутливого настроения моего друга. Душевное состояние Умарани, замершей у ног Кунтол-да, по-настоящему расстроило меня. Минуты тянулись бесконечно долго. Но вот, наконец, она встала и молча вышла.

А дня через два после этого, как только я попался на глаза Рани, она подлетела ко мне и сообщила:

Довольно, мы придвинули к себе аппетитное блюдо.

— В группе обязательно поручите тебе взять рис,— улыбнулся Кунтол-да.— Это—очень важное дело. Ясно?

Но ей досталось дело куда важнее...

Однажды ночью меня разбудил сильный стук в дверь. Кунтол-да вбежал в комнату, глаза его сверкали.

— Нас выследила полиция! На рассвете будет обыск. Необходимо унести оружие и переправить его на тот берег. Найми лодку в Камгате и жди у мангового дерева. Часа через три доставим. Понятно?

Я взял лодку и стал ждать в условленном месте. Была облачная, безлунная ночь. Вокруг стояла непроглядная темь. В довершение всего в этот осенний месяц Бойрой вышла из берегов, и вода уже добралась к манговому дереву.

Наконец-то я увидел, как со стороны сада скользящая чья-то тень. Она быстро приближалась ко мне. Но вдруг остановилась еще дальше и раздался громкий окрик:

— Послушайте, Шонкор-да, он согласен... Кунтол-да разрешит мне работать с вами!

— Сначала выдержки проверю,— заметил Кунтол-да,— а потом уж будем говорить об этом.

— Скажите, что я должна делать?— готовностью спросила Рани.

— Для начала принеси-ка поскорее рис. В дождливую погоду особенно важен.

Через несколько минут появилась Рис. Было просто удивительно, как она сумела так быстро приготовить его.

Место сидения на картинке работы в Британской Индии. В Брахмане—высшая каста жрецов. Кайста—каста торговцев. Примаиче— торговца.

— Топ, куда идешь?

В стоял блеснул луч фонаря, и я из своей засады увидел бесстрашное охотулованное лицо девушки. Это была Рани!

— Хочу подышать свежим воздухом на берегу реки,—сердито ответила девушка.

— Ранище тебе придется сидеть в уместок,—грубо обормот ее чей-то мужской голос.

Рани не ответила. Метнувшись в сторону, она прыгнула в бешено несущиеся, скрывает в густом жарке воды Бойрой...

Я поспешил уйти прочь от мангового дерева.

Утром в доме у Дварни Чатурдже действительно был обыск, но полиция ничего не удалось найти, что, апроче, меня несколько не удивило.

Днем в общежитие пришел Кунтол-да.

— Собираясь в колледж!—спросил он меня.—Пропусти сегодня занятия, Шонкор-да. Дважды сегодня профидеяли اینجا.

Полдень—подходящее время для прогулки, да и по взволнованному лицу Кунтол-да было видно, что ему не до этого.

Видно, что Кунтол-да был перенут деревенский мостик. Кунтол-да сел на него и усадил меня рядом с собой.

— Сколько смелости и ума у этой девушки,—воскликнул он.— Она спасла нашу группу! Ничего не заметил, как Рани тайком вышла из дому. Ей помешали выполнить задание, вот она и сообразила, что нужно плыть на тот берег. Но, видимо, не сумела, не хватало сил!.. Бедняжка! Как ей хотелось работать с нами!

Время шло, а мы все сидели и вспоминали рассказанную девушкой. Впервые я видел, как Кунтол-да сманул кулаком непрошенную слезу...

Я долго думал о Рани. Как хватало духу у этой простой деревенской девушки столько темной ночью бростись в бурные воды Бойрой!.. Я и сейчас вижу перед собой ее бледное лицо, освещенное лучом полицейского фонаря... Невероятно, невозможно, чтобы ей удалось тогда спастись и теперь засверкать драгоценностями в доме Чокроборти. Но нельзя же не верить собственным глазам!

— На следующий день, выйдя на дорогу, я еще издали увидел коляску Чокроборти, стоявшую на берегу моря. Как раз в это время мимо меня проезжал экипаж.

В нем сидела женщина. Вне всякого сомнения, то была Рани. Увидев меня, она остановила экипаж и подошла ко мне.

— Когда приехал, Шонкор-да!.. Где остановился?

— Рани! Умарани! Ты жила! Рани усмехнулась:

— Как видишь, жива. Муж у меня богаче, а возраст его не уступает его богатству. Он крупный помещик.

Мы медленно брели по направлению к морю.

— В тот день,—продолжала Рани,— я увидела тебя с первого взгляда, а ты вот меня не узнал!

— Если бы даже и узнал, у меня не хватило бы смелости заговорить с тобой. Ведь я считала тебя покойницей,—посмутила я.

Рани расколоталась. Она заметила поворота, но смех и слезы ни на щеках оставились прежние.

— Неужели рядом с тобой шагает призрак! Впрочем, это правда. Ведь я действительно оказалась вычеркнутой из жизни!.. Рани сразу стала серьезной. Мы прошли еще немного, и она сказала:— А теперь уходи, Шонкор-да. Он злит, когда замечает, что кто-нибудь со мной разговаривает. У старых людей редко бывает хорошее настроение. Славный вид, что ты не знаешь меня. Приди на это же самое место завтра утром.

Она с нежностью посмотрела на меня и добавила:

— Если ты сможешь прийти, Шонкор-да, то я скажу страду, что иду в храм, а сама приду сюда.

Я хотел что-то сказать, но слезы застывали в горле, сердце, казалось, готово было выскочить из груди...

Утром мы встретились. С за-

хватывающим вниманием вслушался историю замужества Рани. ...Еще до того, как Ононто Прошад стал депутатом от Кулины, на него обрушилось несчастье: его первая жена заболела холерой и умерла. На руках у Ононто Прошад осталась куча ребятшек, за ними никому было ухаживать. Ононто попал в очень тяжелое положение... Подвешенный советовали ему жениться, но это были только разговоры. В самом деле, кто выйдет за человека, у которого столько детей и такой почтенный возраст? Говорят, что в Бенгалии нетрудно найти невесту, но никто почему-то не делал никаких предложений Ононто Прошаду. Но случай ему помог. Как-то раз Ононто поехал по делу в район Багергата. Возвращался он на лодке поздно ночью. Заргу один из лодочников тревожно закричал: — Человек тонет!

Ононто осветил фонарем. Кто-то барахтался в волнах, пытаясь ухватиться за борт лодки.

Лодочники вытаскивали утопающего. Это была Рани. Она совсем обессилела и тут же потеряла сознание. Ононто отвез ее в свой дом в Кулене. На другой день вечером он вызвал к себе Дварика Чатраджа.

— Бессмысленно поднимать шум,— начал он.— И так уже пошли разговоры по ашвей деревне об этой нехорошей истории. Девушку очень трудно будет выдать замуж. Судяй же лучше мне. Даже ворона ничего не узнает.

— Как вам!— изумился Дварик Чатраджа.

— Иначе она попадет в тюрьму. У нее за любовь был отправлен родственник. Разве у меня дома ей будет хуже, чем в тюрьме? Пойми, она девушка из порядочной семьи, а попади она в тюрьму, ее имя начнут трепать в газетках. Дварик задумался, не зная, что сказать.

— Тюрма, лучше тюрма!— воскликнула присутствовавшая при этом разговор Рани. Ононто только улыбнулся и спокойно сказал:

— Тогда мне придется отдать в полицию бумаги, которые были спрятаны в твоей алюминиевой коробке. Но только ты, но и твои товарищи угодят в тюрьму.

Лицо Рани вспыхнуло. Огонь пробегал по ее щекам. «Нашли и это!—мелькнуло у нее в голове.— А я была уверена, что коробка ушла в воду. Верните же мне, я вам говорю, верните!—в отчаянии крикнула девушка.

Ононто — человек бывалый, гнев ребенка только развеялся его:

— Что за спешка, не все ли равно, о чем останется коробка: у тебя или у меня? Ладно, получишь ее после свадьбы. А не выйдешь за меня замуж, сдам все в полицию.

Однако и после свадьбы Ононто ничего не вернул Умарани, а только отделивался обещаниями. Этих он, вероятно, рассчитывал усилить свою власть над молодой женой.

Умарани на минуту умолкла.

— Потом долго говорили обо мне,— закончила она свой рассказ.— Ты ведь приносишь письмо от дяди Джотшиора. Зайди к нам сегодня под эти предлогом. Обязательно придти. Мы побеседуем, а вечером поужинаем вместе. Помнишь тот рис? Угоду тебе так же горячим-горячим рисом... Как давно я никого из вас не видела! Придаться?

Я пожал плечами и простился. Рани приглашает меня в гости. Долго бродил я по улицам Пури, не находя себе места. Наконец твердо решил: нет, я не пойду к ним! Лучше уеду, чтобы никогда больше не встречаться с нею. Эти несколько дней надо вычеркнуть из памяти. И пусть все останется так, как было: Рани для меня погибла. Я снова вижу зрячий лодочник передо мной Рани, организованной Рани, бросившейся в страшные воды бойроба...

Пусть мой рассказ о Рани окончится на этом месте.

Перевел с бенгальского А. И. ПЯТЮК-ДАНИЛЬЧУК.

К. ГУСЕВ

ВЕСНУШКИ

1
Помню, улицей тихой
и нуд—
Ночь гуляет франкской
в весеннем саду.
В kronax вазов уснувших
соловьям не до сна.
Но без милых веснушек
мыб весна— не весна.
В небо серые звезды
стоят на часах.
Я встречал эти звезды
в знаменых глазах.
В небо ласковых глаз
я глядел и мечтал
и веснушки не раз
возле них сосчитал.
От меня одного
и узнала она,
что веснушек всего
девятьсто одна.
Друнал:
к каждой из них
я губами прильнул—
Где веснушки!
Уехали на цепьну!

2
Надоела контора
и цепляные счеты!
Ветер к дальним просторам
зовет и влечет.
Целый год в непролазном
перед ним долгу,
годового баланса
я свести не могу.
Память сердце берedit,
и на каждой листе
входит в «дебета и кредита»
казенная сталь.
Цифры лежат и дразнят,
и на счетах видна
неизбежная разница—
двойство одна!

—Вдур; как счастье само,
из-за гор, из-за вод
прислело письмо.
«Дорогой сегодешней!»
[Как весна, это почерк
меня обласкал—
сто одинажды строчек
и два колоска].
«На молчанье не ссутй:
тут такие дела!
Ты ути, что я с лета
колоски беряга.
Но ведь дело простое—
под ручку ходить,
да трудней на просторе
машины водить.
Хороши здесь подружки
и ребята подстаы,
но веснушки
я им не доверю считать!
Правда, может быть, поздно
Пишу я теперь...»

Блещут серые звезды
среди змыных степей.
Видно, я не уянуку
тех звезд в небесах,
потому что уянуку
те звезды в глаза!
До свиданья, родные,
уезжаю, друзья!
Дорогой мне отныне
другие края.
Где любая протая
работа любя,
где в полях вырастают
большие хлеба.
Где уже не во сне—
навау я прильну
к тем веснушкам, что мне
возвращают весну,
дел горячую грау,
мечтанный ром...

Там с веснушкам будут
и дети мои!

П. ДАРИЕ

ТЕПЛЫЙ ВЕЧЕР

Теплый вечер... Летяса песья
с высоты диетровской кручи.
Пробродя август месяц
пропльывающую тучу.

И долпну он ласкает
мглыом светом светлорусым...
А вконтур села сверкают
электрические бусы.

Запутался в листьях ветер—
встали яблоны рядами.
До зямли согнулись ветви
под тяжелыми плодами.

В дом аянуку.
Жена навстречу
с полотном, с иголкой тонкой;
«Посмотри-ка, в этот вечер
я сирона распушону.

Топлю с вышнейкой неясно,
может, вместе цвет принемлю...
Для доурица— нуно кричю...
а для сына— нуно синю...

Что могу я ей ответить!..
За ономо, над ближней
крышей,
в небо синем резной ветер
знал красное колышет.

Ответа: кто бы ни был,
вышней дуныя цветам:
пусть полюбят наше небо,
пусть полюбят наше зяналя!

Авторизованный перевод
с молдовского
Н. СТАРШИНОВА.

Морозный ветер колышет приклепанную между двух сосен полосу красной материи, на которой написано: «Молодежь — на старт зимних спортивных игр». В роще, недалеко от корпусов Архангельского лесозавода имени В. И. Ленина, идут соревнования лыжников.

Широким, накатистым шагом скользят рамки лысопильного цеха Георгий Аляпин. Еще год назад он безразлично относился к лыжам, но стоило ему однажды принять участие в заводском кроссе, и лыжный спорт увлек его. Сейчас, пожалуй, на заводе нет более задалого лыжника. Аляпин финиширует первым. Следом за ним приходит рамщик того же цеха Валентин Попов и стюард цеха ширпотреба Евгений Меньшиков...

С волнением следит за ходом соревнований Василий Матвеев. Он, один из лучших любителей предприятия, руководитель лыжной секции. Больше всего понятно: ведь именно ему пришлось вербовать участников кросса, готовить их к первому выступлению, а таких новичков в лыжном спорте с каждым стартом становится все больше и больше. Да и сам Матвеев не так давно был новичком, а теперь он неоднократно чемпион по лыжам спортивного общества «Красная звезда». На заводе его знают как разностороннего спортсмена: летом он успешно выступает на беговой дорожке, на волейбольной площадке, в бассейне.

К финишу подходит все новые и новые лыжники. Особенно упорная борьба разгорается среди девушек. Первое

место заняла Тая Логунова, известная на заводе спортсменка-первоурядница, второе — Нина Попова, станочница лесопильного цеха.

В числе последних к финишу пришла Валя Щекина. Комитет комсомола поручил ей организовать сегодняшние соревнования. Сама она не соби-

ралась участвовать в них, потому что никогда не ходила на лыжах. Но накануне, когда Валя зашла к комсомольцам лесопильного цеха и стала приглашать их принять участие в зимних играх, Нина Рудукова лукаво спросила:

— Ты, Валя, конечно, тоже будешь участвовать? Так ка-

зать, личным примером увлечь молодежь...

Валя смутилась и несколько неуверенно ответила:

Конечно, буду!

И вот вместе с другими она на старте. Ей казалось, что зрители на лыжах не такое уж сложное дело. Пройдет не куда других. Но Валя ее преодолела дистанцию. К ней подошла Нина Рудукова:

— Молодец, Валя! На самолюбия до финиша добралась. Из тебя неплохая лыжница выйдет.

В этот же день на ледяном поле «сражались» заводские хоккеисты во главе с тренером и капитаном Степаном Кастрюшиным. Рядом, в заводском клубе, шла упорная борьба у шахматистов.

Не менее интересно проходила зимние спортивные игры молодежи других предприятий страны. В Москве, в Сокольническом парке культуры и отдыха, состоялись лыжные эстафеты. Андировым лыжники фабрики «Буревестник», но к финишу вырвалась команда фабрики «Красный богатырь». Работница мажоранной фабрики № 1 Рая Савина и Нина Сбытова оказались на финише последними. Девушки впервые участвовали в соревнованиях, да и на лыжи встали недавно. Неудача не смутила подруг: ведь впереди еще много состязаний...

У физкультурников Ленинградского завода «Защитосилов» в этот день состоялся соревнования по настольному теннису. Любительницы этого вида спорта конструктор Зоя Волкова и чертежница Муза Калочкова играли первыми.

Молодежные спортивные игры проходят в городах нашей

На спортивных площадках играли школьные команды в хоккей с шайбой.

Спортсмены «Трудовых резервов» начали зимние молодежные игры встречами в хоккей с мячом.

ЗИМОЙ ПО АРХАНГИ

В энергетическом техникуме состоялась состязания по гимнастике. Хорошо выступила Аня Наушанова.

страны по-разному. В Архангельске, Свердловске, Новосибирске, Красноярске — там, где устанавливается прочная зима, молодежь увлекается лыжами, коньками, хоккеем.

В Средней Азии, на Кавказе, где зима почти не бывает, больше увлекаются гимнастикой, баскетболом, волейболом. Вот в погожий день на открытую площадку вышли девушки-баскетболистки города

Фрунзе. Живо и увлекательно проходят у них спортивные дни.

Зимние игры заканчиваются. В них приняли участие тысячи молодых рабочих, колхозников, студентов, школьников. И может быть, те, кто сегодня впервые вышел на старт, в следующий раз уже будут участвовать в ответственных соревнованиях.

Н. НИКОЛАЕВ

Классическое водохранилище снова льдом, причалив припороши снегом. Кажется, лишь на водных станциях замерла.

Но что это? Бдали, на ледяном поле водохранилища, появляются небольшие строения суда. Блесну на солнце белоснежные гарусы, ми, они вновь исчезают. Это бугра, млы, как их зовут, «ледяные яхты».

Увлекательн бугерный спорт. Он таит в себе много своеобразной прелести. Здесь есть где развернуться сильной натуре, есть, где проявить волевые качества. Нельзя забыть то непереносимое ощущение, когда бугер, послышавшись малейшим движением штурвала, скользит по сверкающему ледяному простору.

Маневрирование на огромной скорости, достигающей иногда 160 километров в час, требует от спортсмена-бугриста большого умения и находчивости. Он должен сочетать осторожность и выдержку с решительностью и смелостью, иметь основательную подготовку.

В Москве немало энтузиастов бугерного спорта. Большинство из них — учащиеся школ, техникумов и вузов. Особенно много молодежи привлекает по воскресеньям на новую станцию ДСО «Наука».

...Начало утро. Оноло одного из бугеров собралась группа ребят. По их взволнованным лицам и неумолкающим движениям можно понять, что это новички. Они внимательно слушают невяского, коренного гонимца, который объяснит им обязанности матроса. Это председатель дружки — студент инженерного техникума зиснегов Фанулетта Виктор Козлов.

Виктор — разносторонний спортсмен. У него второй разряд по лыжам и по плаванию, он победитель марафона на Кольцовском водохранилище, он увлекся бугерами. Теперь бугер, который объяснит им обязанности «ледяной яхты» считается одной из лучших по своим качествам и крепости работ, которая начнется объяснением до того, как водохранилище покрывается льдом. Бережное, любовное отноше-

ние к бугеру Виктор Козлов стремится принести и новачкам.

— От состояния льда зависит успех спортсмена, — говорит Виктор. — Поэтому при намерении останова матрос обязан осмотреть крепления, проверить, не погнулись ли концы, не соскочил ли штурвал.

Вот когда поворот появляется бугер с наштой на гарусе цифровой «8». Им управляет студент механико-математического факультета МГУ Борис Маслов. Его матрос — новачок Виталий Машалов. Машалов только раз в самый ответственный момент страивал шкит и этим борон объясняет новичку его ошибку.

— Сегодня, не горячись, — вмешивается Дмитрий Дмитриевич Костромской, руководитель бугерной секции.

И он рассказывает обступившим его ребятам особенности работы с бугерным гарусом, ее отличия от работы с гарусом яхты.

Маслов тонко внимательно слушает тренера: Дмитрий Дмитриевич один из сильнейших гонимцов Москвы. Этой зимой в соревнованиях на приз открылся чемпионат бугерного места.

Бугер «8» снова увалиется. Маслов уверенно делает поворот за бугером. Но вот левый конец оторвался от льда и начинает подниматься. Это налетел шквал. Легкое движение штурвала — и новачок имеет вылет. Случайные порыв ветра еще более увеличивают качку. Кажется, что бугер перевернется. Но в последний момент Борис выравнивает бугер.

Вскоре ветер начинает слабеть. Ветер становится тихим. Бугер. Из гавани видно, как экипажи безуспешно пытаются «поймать» ветер. Вскоре ветер опять начинает дуть. Бугер всех этих огорченных новачков.

— Ничего, — утешает их тренер Костромской. — Ветер станет сильнее. Но стоит только появиться бугеру, как начинаются парусники, на них вылетят настоящие парусники.

Б. ЕФИМОВ

Из истории русского спорта

ПЕРВЫЕ БУЕРА

На Московском электромашинном заводе в почете стреловой спорт. Участники стрельбы (на переднем плане В. Захарова и В. Ленцов) подготавливают снай.

...Начнется дали старт. Сильный ветер подхватил бугер, вынес его на середине замерзшей реки и покатил по льду. Правда, скорость свои развила небольшую, но зрители было довольно любопытны. Гоним продолжался до тех пор, пока внезапно изменилось направление ветра — не завалил один из бугеров. Открыл длинной моткой полумотур, он перевернулся и застрял. Ни кто не вмешивался до второй попытки. Так и не завалились бугерные гонимы 1860 года.

Через несколько дней в газетках появилось краткое сообщение о том, что «С.-Петербургской речной дхт-клуб» провел на Неве гоним больших зимних русских лодок, построенных из шпальтовой мастерской клуба, что на Крестовском острове».

Предполагается, что гонимы 1860 года были уже вторыми по счету. А первые «вездеходы» на бугерах сохранились в 1866 году. Бугера того времени значительно отличались от нынешних. Вместо строения, стрелчатого ситкообразного корпуса, са на полукруг стюла широким, чем то напоминающая телуру платформу на досок. Вперед находилось место для седока, который управлял бугером, упираясь ногами снег в лед.

После первого бугерных гоним московская газета «Восходендик и речной дхт-клуб» вскользь замечает, что в специализированных изданиях уже несколько лет существуют «суда» — приспособления, которые тогда и не предполагали, что про-

тотип современного бугера появился впервые в России и был создан русскими неслыханно еще в XVII веке! Но как об этом кратко очерченно повествуют недавно опубликованные в журнале документальные материалы: «Работник Яузской мельницы Иванушка Кудряшова заручился с парусом, а у тех сапей вода нырла и садить они бед лошади могут. Батюшка Иванушка донес в тридцать пятьдесят лет. И, слава, Иванушка пытался, и под пыткой покаялся, что хотел выдумать еще лучше и дешевле, чем устали. Сын согоня, а Иванушка батюгам не поддавался батюшка».

Позднее гонимы и жители берегов северных озер стали строить своеобразные бугера с помощью которых выезжали на зимние промыслы.

Несомненно и тот факт, что у русских впервые появился «бугер» — название — вознесен с парусом. Его сделал изобретатель современного авиационного парашюта Г. Е. Батюшка — вознесен с парусом. Сам Котельников: «По глупости метаву помываюти солнцем, можно было идти лавировной, грудулов до тридцати пятидесяти, следовательно, много снега и несется, было, вознесен по течению, следовательно, на бон — только бурчатка свободного рода тихонько поет свою песню».

К. БАКРИН

А. Бурдаков. «Струсила».
Выставка произведений художников РСФСР 1954 года.

ГЛЯДЯ НА ЭТУ КАРТИНУ...

Очевидно, только что был крупный разговор. А сейчас парень стоит, отеревшись и втянув голову в плечи, боится взглянуть на товарищей. Кто-то бросил гневное: «Струсила!» И позорное слово приговоздило этого молодого юношу, испугавшегося трудностей на необжитой земле.

Возможно, молодые люди ехали с комсомольскими путевками в одном эшелоне и да же в одном вагоне. Казим «героев» выглядел этот парень, когда эшелон вчался в степные просторы, сколько хвастливых слов было сказано, как рвался он перед товарищами! Но вот приступили к работе: первые трудности, первые невзгоды — и слетел, как дрянная краска, лоск с парня. Оказавшись, не привыкши к труду, нет у него воли борца, и, спавов перед трудностями, убегае от од друзей, покидае поле боя с позорной личной трусы.

Такие мысли вызывает картина А. Бурдакова, демонстрировавшаяся на выставке художников РСФСР в 1954 году. Острый конфликт, подмеченный художником, взят из иной жизни. В нашем совхозе, который создан на ценных землях, тоже были подобные случаи.

Помню, мы приехали весной прошлого года в Нончетавскую область, Степи кругом на сотни километров. Все надо начинать

сначала. На первых порах было особенно трудно: дожди, холод, грязь, условия неприглядные, а работы много. И за все надо было браться сразу: устраивать жилища, готовить технику, заниматься строительством хозяйственных помещений. А людей не хватало, и поэтому приходилось выполнять самую различную работу. В это трудное время кое-что и начал исполнять умиротные уголки, где подлече да потеплеет. — одним словом, «отыгнать», как у нас говорят. Оказались и просто струсившие. Таких, правда, были единицы. Мы этих «героев» сразу раскусили, потому что наши комсомольский коллегия — люди крепкие и трудностей не боится. Наши лучшие трактористы Спицын, Кашкин, Тулузов, прорабачики: Бакаев, строитель Гусев да и многие другие работали на покладая рук и других за собой вели. Всего в минувшем году в нашем совхозе было поднято ценных земель 1832 гектара. Построено более тридцати жилых домов, столовая, пенария, магазин, овощехранилище, механическая мастерская. Поселок электрифицирован. Работают почта, школа, библиотека.

Сейчас у нас идет подготовка к севу. Думаем в 1955 году собрать обильный урожай. Все условия для этого есть. Мы с большим воодушевлением встретили постановление

январского Пленума Центрального Комитета КПСС, который поставил задачу в ближайшем пяти-шест лет довести производство зерна в стране не менее чем до десяти миллиардов пудов в год. Это решение вынуждает в нас новые силы, обязывает работать еще лучше. Мы отдадим большому, всенародному делу все свои знания и опыт и оправдаем доверие и надежды, которые возлагают на нас наша родная Коммунистическая партия.

К нам сейчас идет много писем, пишут со всех концов страны: рабочие, колхозники, строители, — все интересуются нашей работой, а многие и сами хотят стать новоселами.

К сказанному о картине хотелось бы добавить: главное, на мой взгляд, в ней — не этот струсивший парень. Он уедет, а тысячи молодых патриотов приедут на целину. Главное в ней — отношение коллегия и человек, спасающему перед трудностями. Художник убедительно говорит: вот кто настоящие герои, учитеесь у них мужеству, непримиримости к лентяям и трусам.

В. ВОЛКОВ,
секретарь комитета ВЛКСМ
Верлинского зерносовхоза
Нончетавской области.

НАСТОЯЩЕЙ ДРУЖБЕ

М. ВОДОПЬЯНОВ,
Герой Советского Союза

Наша машина уже несколько часов мчалась по хорошо укатанной галинковой дороге среди полей, простирившихся до самого горизонта. Стояла поздняя осень. Первый урожай с целины был уже убран, пахота под зыбь закончена. Навстречу нам не попадали ни одна живая душа. Только степные орлы кружились в небе, да однажды мы увидели вдалеке стройные скалуты сайгаков.

В совхоз «Степное» мы приехали вечером. В конторе, крошечной хибарке, где помещались и директор, и бухгалтерия, и партком, и рабочий, и комитет ВАКСМ, серьезно задумались над тем, куда нас устроить на ночлег.

Совхоз был недавно создан на целинных землях Сталинградской области. Сюда приехали молодые патриоты из разных городов страны, пришли тракторы, комбайны и множество других сельско-хозяйственных машин. В первую же весну совхоз поднял тридцать тысяч гектаров целины.

На территории совхоза шла большая стройка. Воздвигались кирпичные и деревянные здания общежитий, столовой, клуба, конторы, индивидуальных домов для семейных рабочих. По окончании полевых работ строителями стали и трактористы, и комбайнеры, и прицепщики. На новом месте люди устроялись всерьез и надолго. Но пока добровольцы жили еще в палатках и приспособленных саманных хатах.

Этим и объяснялось то замешательство, которое вызвало в конторе появление гостей. После недолгого совещания секретарь комитета ВАКСМ решительно заявил:

— Пожалуй, устроим их у ленинградцев, все-таки там лучше всего...

Нас проводили в домик на краю усадьбы, заново обмытый глизой снаружи и тщательно побеленный внутри. В домике было светло и уютно. Все, от самодельного абжура из цветной бумаги до коек, аккуратно застеленных одинаковыми шерстяными одеялами, свидетельствовало о том, что хозяйка домика любит порядок.

Жили в домике пятеро юношей. Все они приехали на целину из Ленинграда. Разговорившись с ними, мы узнали, что Виктор, Геннадий, Юрий, Александр и Валентин вместе оканчивали ремесленное училище, вместе работали на заводе имени С. М. Кирова, вместе жили в общежитии. Все пятеро ходили вместе на каток, в кино, в театр, по очереди читали один и те же книги. А когда друзья узнали о том, что партия призывает молодежь ехать на освоение целинных земель, они написали такое заявление:

«...До поступления в ремесленное училище все мы жили в селах. Сейчас, получив специальность, хотим возвратиться на работу в сельское хозяйство и просим направить нас на освоение целинных земель. Трактор мы знаем хорошо. Куда бы нас ни послала партия, мы с честью будем трудиться».

Так друзья-товарищи попали по комсомольской путевке в Сталинградскую область.

— Как вам живется, работаете? — спросил я. — Не трудно? — Сначала было нелегко, но ничего, привыкли к местным условиям, — ответил высокий светловолосый юноша, которого звали Геннадием.

— Работаете на совести, — добавил Виктор, коренастый черноволосый парень, — по полторы, а то и по две нормы на тракторе выполняли, и качество давали хорошее.

— Все пятеро?

— Ну, это как сказать, — уклончиво ответил Виктор и поспешил на молчаливого до сих пор юношу, который, знакомый с нами, откровенничался Юрием. Тот почему-то покраснел, всколыхнула и стала разжигать примус, хотя необходимости в этом не было.

Мне стало ясно, что у ленинградцев не все благополучно, но что именно у них произошло, спросить я не решился. Юрий продолжал накачивать примус, а Виктор упорно молчал. Вскоре замолкла и погасла лампочка: движок временной электростан-

ции прекратил на сегодня работу, волей-неволей пришлось лечь спать.

Утром вместе с секретарем комитета комсомола мы осматривали строительство совхозного поселка. Внезапно нас ослепнули с джесом строгоем кирпичного здания клуба.

Нашн вчерашние «хозяева» приветствовали нас, как старых знакомых. Все пятеро сделались на время каменщиками.

— Как вам нравилась ленинградцы? — спросил нас секретарь.

— Отличные ребята и очень дружные.

— Лучшие наши трактористы, и хоть в дружбе у них появлялась трещина, они ее быстро, по-комсомольски ликвидировали.

— Какал трещина? — заинтересовался я.

— Почтительная это была история, — сказала секретарь комитета комсомола. И пока мы шли к мастерским, он изложила ее нам.

...Ленинградцев Валентин, самый маленький и шустрый из друзей, был назначен в совхозе учетчиком. Он очень добросовестно и даже придирчиво проверял качество пахоты у каждого тракториста. И вот однажды Валентин обнаружил на участке Юрия огрехи. Как видно, в погоне за высокой выработкой Юрий пренебрег качеством пахоты.

— А что стараться, есан учетчик — друг? — не то в шутку, не то всерьез сказал Юрий товарищу, когда тот сделал ему замечание. Он чувствовал себя в этот день «мименинником», выполнял на своем «путиловце» двести десять процентов нормы.

На следующий день Валентин опять обнаружил у участка Юрия огрехи, да и глубина пахоты была на два сантиметра меньше, чем следовало. Зато задание он выполнил на двести двенадцать процентов.

— Так, Юрка, дело не пойдет! — сказала возмущенный Валентин. — Если опять такое качество давай, пойду к директору. Что толку в твоих процентах! И все углы перешапи, обязательно!

— На друга жаловаться? — покал пачками Юрий и закурил папиросу. — Совесть не позволяет!

В конце третьего дня Валентин убедился, что Юрий не только не перешапал углов, но и наделал новых огрехов.

Вечером тракториста с самой высокой выработкой в совхозе вызвали к директору. Он вернулся домой красивый и злой и тотчас же накинулся на Валентина.

Мнения ленинградцев о случившемся разделились. Александр решительно стоял на стороне Юрия.

— Это не по-товарищески! Валюка не имел права идти к директору, — возмущался он. — Сами бы могли разобраться!

Остальные считали, что Валентин поступил правильно, так, как ему подсказала его комсомольская совесть.

— Понимаешь ли ты, — сказал Юрий Виктор, — что своей безответственностью ты уронил не только свою честь, но и нашу и даже той комсомольской организации, которая послала нас на целину! Ты забыл о комсомольской путевке. Теперь мы не можем тебе верить. Подумай, может, стоит тебе вернуться обратно в Ленинград...

Геннадий, у которого на всякий случай жизни были заготовлены цитаты из произведений любимых писателей, достал свою тетрадку, перелистал ее и торжественно прочитал:

«...дружба — это прежде всего искренность, это критика ошибок товарища. Друзья должны первыми дать жесткую критику для того, чтобы товарищи мог испривить свои ошибки». Так писал Николай Островский. Кто с этим может спорить, ребята? Помозему, Валентин поступил как настоящий, хороший друг...

Спор ленинградцев затихнул на два вечера.

— Пришло и мне вмешаться в этот спор, — закончила свой расказ секретарь комитета. — Юрий ночью прибежал ко мне с заявлением, требуя, чтобы его отпустили в Ленинград. Но в конце концов у Юрия хватило мужества признаться я том, что Вален-

тин был прав. Юрий переплакал все свои огрехи и стал повышать выработку при отличном качестве. Теперь он прочно закрепил за собой звание лучшего тракториста колхоза «Степное».

К сожалению, не все юноши и подростки правильно понимают значение настоящей, принципиальной дружбы. Ложно пожимая дружеские отношения, они считают, что надо покрывать даже сверную выладку товарища. Такое отношение к другу приносит двойной вред. Во-первых, недобросовестность одного человека принижает ущерб всей коллективу. По вине залудого «двоячника», например, снижается общая успеваемость класса. Если молодой рабочий делает прогуга, уменьшается производительность и накладывает пятно на всю организацию. Во-вторых, чувствуя закладку товарищей, недобросовестный юноша мал подросток распоясывается еще больше. Своим попустительством в отношении проступков товарищей мал невольно растит и закрепляет у них вредные черты характера, плохие привычки, оказывая им поистине «медвежью услугу».

Дружбе советских людей чуждо потворство дурным поступкам. Плох тот друг, кто закрывает глаза на ошибки товарища. Хорош только тот друг, который во-время заметит и поправит их. Неудром в народе говорят: «Друг спорит, а не друг поддакивает». Великий итальянский художник и мыслитель Леонардо да Винчи писал: «Притворись, иницируя наши ошибки, полагая для нас, чем друг, желавший их скрыть».

Совсем недавно моя дочь пришла из школы встревоженная. — В чем дело, Наташа? — поинтересовалась мать. — У нас в классе такая переполох была, все друг с другом переросали, — отвечала девочка.

— Почему? — Да все из-за Кати. Учительница русского языка вчера задала нам на дом составить план «Дружеского», а сегодня по времени урока она вызвала Катю. У Кати плана не было, она взяла план у соседа и стала читать. А сосед ее, Гвоздез, ахнул и говорит: «Катя, ты ведь мой план читаешь». Катя покраснела и замолчала. Ну, ей поставили двойку, а на перемене одни ученики стали кричать, что «Гвоздез» — плохой товарищ, он не должен был выдавать Катю, а другие сказали, что Гвоздез правильно сделал: выдал комсомольцу не к лицу. Так все и началось, что подалась даже. А после уроков было у нас вроде собрание. Кате стало стыдно, она не призналась сразу учительнице. Она обещала никогда так больше не делать. И все мы проголосовали, что «Гвоздез» — молсен.

Хороша та дружба, которая обогащает духовный мир человека, делает его чище, благороднее, смелее. Большая, искренняя дружба начинается там, где в основе взаимоотношений лежит желание видеть своего товарища честным и правдивым, тактичным и скромным, а не выходящим за него в лаком. Только то по-настоящему дорожит товариществом и дружбой, кто строго и высказывало расклад за собой и в то же время утверждает товарищей от дурных поступков.

Хочется рассказать еще об одном случае из школьной жизни. Это произошло лет десять назад. Один из учеников седьмого класса плохо учился, пропускал занятия, и адекватно ко всему было замечено, что он курит, носит с собой в школу папиросы. Директор школы вызвал родителей ученика и выяснил, что они, запрещаю мальчику курить, совсем не дают ему денег. Откуда же у него папиросы?

На вопрос, где он берет деньги, школьник неясно отвечал, что кто, мол, выкуривает дружка. Кто были эти «дружка», выяснить не удалось, но у тебе они явно не выручали школьника. Встал вопрос об его исключении из школы.

Тогда один комсомолец из девятого класса решил взять шефство над незадачливым семиклассником, стал помогать ему готовить уроки. Когда тот получил первую пятерку, он оценка по-настоящему нового друга, стал искать случая быть вместе с ним. Старший товарищ был добротен, внимателен, да него в лаком, что оказывался от его дружки. Сам комсомолец не курил. И такон был авторитет бросил курить. Сам комсомолец не курил. И такон был авторитет старшего товарища, что семиклассник пообещал не брать больше в рот папиросы. Он сдержал свое слово. Дружба этих юношей крепла из года в год. Сейчас один из них — офицер, служит на Дальнем Востоке, другой — инженер на Уральском машиностроительном заводе. Они переписываются и стараются вместе проводить свои отпуска.

Вспомните стихи Лебедева-Кумача:

...Теперь слова «товарищ» и «друг»
Наполнены смыслом особым,
Однако не инициалом любви,
Названия товарища стоят.
Товарищ — тот, кто вместе с тобой
То смеется, то и спорит,
Товарищ — тот, кто проберет в борбе,
Ито своего и твою выслушает тебе
И выйдет найти поможет.

Этими стихами мне хочется закончить заметки о настоящей дружбе.

ГОРЯЧИЕ СТРОКИ

Некоторые люди считают, что распространенность чувств — это и есть лирика. Дескать, он ее любит, а она его нет — вершина конфликта в лирическом стихотворении. Неправильно! Если человек чувствует себя приближающимся страданием — ах, как трогательно пахнет — а вы, которого наступая же, — три коровки, — ах, какша индивидуальности!

Все это, конечно, неверно. И это с неоправданной убедительностью доказывает очень хороший пост Русл Гамзатов.

Главное достоинство его лирики в том, что она в первую очередь эзргична. Какие бы стихотворения вы ни прочли в его последней книге, а несаблюдательно присутствует активно действующий человек.

У Руслы Гамзатова много аэрового, свежего юмора. Это юмор не развлеченческий, не складывающийся лирического накала стихотворения, а лаборот, повышающий его. Юмор входит в стиха Гамзатова, как молниен ходит в сталь. Для примера прочтем и разберем «Степи о времени» в очень хорошем переводе Н. Гребнева. Они начинаются так:

Летне по бездорожью, по дороге,
Соба в дождь и в зной и в стужу,
Скучно неуверенный,
Безоблачный,

И нет на нем узды и нет стремли.

Ему, как дорожкою густо.
Мы говорим с улыбкой на губах,
Соба в дождь и в зной и в стужу,
Он или мы, кто у него в гостях?»

Добрая улыбка поэта чувствуется в строках, которые другой, менее даровитый автор написал бы так:

... Руслы Гамзатов, Лирна, «Молодая гвардия», 1954.

НОВЫЕ КНИГИ

«Бурный 1905 год» — так называется роман Антонина Златопольского, повествующий о том, как революционные события отразились на судьбе обитателей одного из доходных домов рабочего района Праги.

«Той весной, которая сразу пробудила стотысячные массы труппающихся и поставила их в боевые шеренги революционного, социал-демократического движения, была русская революция 1905 года», — указывает автор в своем послесловии к роману.

Много места уделяется в книге представителям революционной молодежи — камюетосу Тошкю, брату и сестре Гаваню.

Антонин Златопольский — президент Чехословацкой республики, видный чешский писатель, чья проза является известной далеко за пределами его страны.

Роман «Бурный 1905 год» издан Государственным издательством художественной литературы.

В государственном издательстве «Искусство» вышла книга «Русское искусство, посвященная жизни и деятельности О. Купренского, В. Тропинина, К. Брюллова, Б. Орловского и других замечательных русских мастеров живописи и здания первой половины XIX века.

«серьез», сокращая о том, что вот время идет, и человек от этого не молодет.

И в другом стихотворении из этого же небольшого цикла: Ты слышишь, На деревьях желтеет листва,
Хлещут листья, шумят потоки,
И недаром смолот твоя лириона,
И недаро несли эти строки.

Слушай, чертота мельница,
Коротко нуть,
Покамот тебе, о тую, что ли,
Перепрыгнуть беговатую реку?

Здесь во всю свою мощь пробивается энергия, о которой я говорил выше. В теле стиха перебиваются биения, задушевно не перестают в раздумьи, возбудимость не прерывается в акцелитацию. И заканчивается цикл:

Часы идут,
И тинают, и бьют...
Что сделало ты, прислушавшись,
Или пришлось вести им счет минут,
Бессмысленно растраченную тобою!

Много, очень много хороших стихов в этой книге. Естественно, что я не могу их все процитировать в коротком отзыве.

Прочти книгу Руслы Гамзатова, я обнаружил одно отличное стихотворение поэта: в каждом его стихотворении пружинит мысль, ни одно из них не бездумно, ни одно не лишено изысканного таланта, что у автора появилось желание рифмовать.

То, что я написал об этой книге, не рецензия. Это рекомендация. Прочтите рекомендованную читателю: прочтите последнюю книгу стихов Руслы Гамзатова. Это очень хороший, настоящий, интересный пост.

М. СВЕТЛОВ

Сборник стихов Василья Журавлева «Вторая встреча» (издательство «Советский писатель») — поэтический сборник жизни поколения советских людей, чья юность кончалась в дни войны:

Да, товарищ! Погадаю вам на войну! Погадаю вам на войну! Погадаю вам на войну! Погадаю вам на войну! Погадаю вам на войну! Погадаю вам на войну! Погадаю вам на войну! Погадаю вам на войну! Погадаю вам на войну! Погадаю вам на войну!

Кроме стихов военных лет, в сборник вошли также стихи о любви, о людях молодой деревни, о «Второй встрече» — о тружениках Кубышевской волости.

Первым в мире аэропланом взлетел над русской землей. Но еще за сотни лет до этого безвестные русские умельцы подымали в воздух «Крылья Родины» (Государственное издательство детской литературы) раскрывает перед читателем волнующие страницы истории отечественной авиации, рассказывает о ее выдающихся деятелях — Н. Е. Жуковском, С. А. Чаплиныне, А. Н. Туполеве и многих других.

Вокруг серебряистого шара

РЕПОРТАЖ-ФАНТАСТИКА

А. ШТЕРНФЕЛЬД,

лауреат Международной поощрительной премии по астронавтике.

Поздним вечером в канун Первого мая неисчислимые толпы заполняли парки, площади и улицы столицы. Люди теснились на балконах, на крышах высотных зданий, стояли у широко распахнутых окон. Звучи торжественной музыки раздавались по всему городу. Волнения ожидания охватило всех, от мала до велика. Звонкие детские голоса спрашивали:

— А когда они появятся?

— Я тоже хочу видеть!..

Каго же с таким нетерпением ожидали в этот предпраздничный вечер!

Из обрывков разговоров и восклицаний, раздававшихся там и сям, не много можно было познать.

— ...Кавказские хребты, отделенные на сотни тысяч километров от Черного моря...

— ...Экспедиция установила, что глады морей состоит из острокопечных щелей...

— ...Светлые лучи шириною в несколько километров постепенно суживаются...

— ...Прямая стена, площадью свыше пятнадцати квадратных километров...

Но вот передававшаяся по радио музыка внезапно оборвалась. Воцарилась тишина.

— Внимание, внимание! — послышался голос диктора. — Астро-

номическими обсерваториями замечен рой искусственных метеоров. Смотрите в направлении южного небосвода!

Вскоре по небу в северо-восточном направлении процесс феерический звездный дождь, вспыхивая все новыми и новыми метеорами и болидами — пладоющими звездами необычайной величины и яркости. Время от времени в высоких слоях атмосферы происходили взрывы болидов, сопровождаемые приглушенным гулом.

И вдруг одновременно с разных сторон раздались радостные восклицания:

— Вот они, наши герои! Победа, победа! Слава советской науке!

— Смотрите, они спускаются на городском бойде!

Кто-то возбужденно спросил:

— Неужели корабль так раскалился?

Диктор продолжал:

— В ожидании дальнейших известий от второй лунной экспедиции передаем полученные нами по радио отрывки из дневника бортмеханика:

«Вспыхнули яркие снопы огня, заревели двигатели, и в одно мгновение вся эскадрилья ракет поднялась в воздух. Невидимые нити радиоволн как бы связывали воедино семнадцать мощнейших в мире ракетных кораблей.

— Наш флагман вместе с сопровождающими его кораблями представляет собой своеобразную гигантскую летающую шестнадцатигонную пирамиду. Каждая ракета находится от флагмана на расстоянии одного километра.

Летим дружно. Но вот одна ракета вырывается немного вперед, а другая чуть-чуть отстает.

Земля уходит от нас со все возрастающей скоростью. Спустя двадцать секунд мы на уровне высочайших горных вершин Памира. Снаружи плотность воздуха

На глазах флагман преобразовывается в лунный корабль...

маную ракету и возвращающихся единой.

Перед нами открывается величественный вид. Ослепительно сияет Солнце. Куда-то закатывается острый серп Луны, и среди черного, как смоль, неба по замкнутому кольцу струится Млечный путь. Дружным хором быстро плывут разноцветные звезды, большие и малые — коLOSSальные миры далекого солнца. Они здесь более четкие, чем если смотреть на них с Земли, и более многочисленны. Ведь уже с вершинной высоты горки перед нами раскрывается более широкий горизонт. Еще шире представляется он теперь, с высоты парения нашей эскадрильи, в десятки раз превышающей высочайшие горные хребты.

—Ночь по местному времени. Огромная часть небосклона зияет темной, бездонной пропастью: черный земной шар закрывает собой эту часть неба. В атмосфере Земли армия от времени вспыхивает и потухает падающие звезды.

Но вдруг на горизонте возник какой-то нежный свет. Это серая атмосфера.

Мы вышли из полной тени Земли и пересекли зону полутени; только что вымигнувший краешек Солнца быстро растет.

Но фазы Земли меняются на глазах. Диск восходящего Солнца, который сохранил свои прежние, «земные», размеры, кажется нам вдруг огромнейшим маленьким. Вот огромный яркий серп Земли. Черная пропасть постепенно светлеет. Серебрится горные хребты. В прорывах между облаками, окутывающими Землю, мы угадываем контуры материков. Тени горных цепей особенно четки в эту минуту рассвета.

На Земле мы говорим: как чист воздух! Что же сказать о прозрачности межпланетного пространства!

Войдя в тень Земли, мы тут же увидели световые сигналы, подаваемые нам сбившейся с пути четкой радиолокационной ракетой. Стало как-то веселее на душе: мы почувствовали присутствие товарищей, от которых отделился нас всего 56 километров. Им удалось войти в колею нашей орбиты и двигаться с одинаковой с нами скоростью. Поэтому по отношению к нам они неподвижны.

Сейчас пришла очередь четкой радиолокационной ракеты сблизиться с нашим космическим островом. Она, конечно, не может остановиться и дожидаться нас, так как это означало бы упасть обратно на Землю. Далеко уходящими скоростями чреват гибельными последствиями.

можем опять погрузиться в плотный слой атмосферы и будем вынуждены пойти на посадку...

Однако, к счастью, все обошлось благополучно. Мы закрепили за собой достаточную скорость и высоту, чтобы не упасть на поверхность Земли. Период взлета длился, правда, меньше получаса, но был очень напряженным. Со скоростью 7,76 километра в секунду эскадрилья по иерархии облетает Землю по дуге заплата, очень близкого к кругу. Мы продолжаем групповой полет в таком же строю, как в момент взлета. Но четырнадцатая ракета все еще впереди.

...Наш корабль на высоте двухсот километров над Землей. Здесь плотность воздуха в миллион раз меньше, чем у поверхности Земли, и он больше не препятствует движению нашей эскадрильи.

Мы уже перешагнули «ворота Вселенной». Мы совершили гигантский прыжок с Большой земли в мировое пространство. Проблема межпланетных путешествий сводится в основном к вопросу достижения громадных скоростей и последующего их заторможения. А мы уже достигли больше двух третей той скорости, которая необходима для полета на Луну!

На достижимой высоте происходит борг «Лунора-2», на борг которого переводится все снаряжение, привезенное сопровождающими ракетами. Один за другим приближаются к флагману его пятнадцать «малых» спутников. Когда один из них находится уже совсем близко к флагману, при помощи миниатюрной ракеты на него перебрасывается канат, ракета притягивается, и начинается выгрузка.

На глазах флагман преобразовывается в лунный корабль. Идет перекачка горючего и окислителя из девятой и десятой ракеты. Из двенадцатой и тринадцатой выгружаются части спускового планера, разные приборы, запас продуктов.

Люди передегазируются свободно: специальные перила, поручни, монтажные пояса, цепочки и канаты обеспечивают безопасность. Все это, впрочем, лишь меры предосторожности, так как людям и вещам не угрожает здесь опасность падения на Землю или в мировое пространство, а в случае удаления от базы очень легко к ней вернуться: включение кар-

единицы эскадрильи на флагман; кроме того, вырвавшись вперед ракета имеет на своем борту части крыльев спускового планера.

Наш корабль делает вертикальный выверт на 90 градусов и продолжает работать в горизонтальном положении. Нам кажется, что земной шар покачивается и Земля стоит сейчас, как крутая, уходящая в бесконечность гора. И что более всего удивительно — вместе с берегом отвесной стеной поднимался и гладь моря; в бинокль видно, как по ней взбрыкаются вверх и спускаются вниз миниатюрные кораблики. Высочайший маяк нагнулся до горизонтальной, но, как видно, ему не угрожает никакая опасность.

Следящий за нами с Земли видит, как ракета описывает дугу и переходит на горизонтальный полет. Нам же в этот момент кажется, что мы поднимаемся вверх, параллельно «Земле-гора».

Тяжело, в прямом смысле слова тяжело: во время работы двигателя предметы и мы сами имеем колоссальный вес — будто сделанные из массивного камня.

...Эластичный матрац, на котором я лежу, чтобы легче перенести перегрузку во время работы двигателя, сейчас подбрасывает меня в воздух, и я медленно поднимаюсь в направлении бывшего потолка. Оттолкнувшись от «потолка» к иллюминатору, разрываюсь Землю. Вот она! Но что же происходит! «Земля-гора» провалилась! Пропала сказочная гора! Нет больше никакой напавшей силы; ишь отныне принимаешь самые причудливые формы. Равноплечие прикротости: газы больше не вырываются. Мы потеряли вес.

Эскадрилья приближается к «эпопею» — наивысшей точке первого этапа полета. На «эпопею» необходимо будет увеличить скорость корабля. Без этого мы

Рисунки Д. Сивкова и В. Воронцова.

уже вдвое меньше, чем у поверхности Земли.

За полминуты мы пересекли нижний, самый плотный слой атмосферы — тропосферу — родину дождя и снега, бурь и ураганов... Под нами сверкают молнии, гулко грохочут громы. Еще полминуты, и исчезают целующие вдали перламутровые и серебристые облака, и небо становится темнотинным.

Почти одновременно раскрываются семнадцать куполов парашютов: это сбрасываются опорожненные из-под топлива баки ракеты.

Вдур четырнадцатая ракета, незначительно выбившаяся из строя, резко вырывается вперед. Вот она уже опережает флагман. Проходит еще немного времени, и мы теряем ее из виду. К счастью, радистская с четырнадцатой кораблем не прекращается; расстояние между нами увеличивается. Что случилось! Положение становится тревожным: мы не можем продолжать полет, не перебросив грузов из любой

На долю секунды всплывает струя газа. Это чуть-чуть увеличилась скорость опережающая нас четырнадцатая ракета. Мы летим по кругу, а она поднимается все выше и выше по дуге эллипса. Но на сорок пятую минуту ракеты, как брошенный камень, опять начинают падать, приближаясь к нашей траектории. На 89-й минуте происходит явленная встреча «Блудный корабль тормозит свою скорость и причаливает к флагману.

«Лункор-2» готов к отлету. Скоро, когда он отправится в полет вокруг Луны и сопроводжающие нас товарищи вернутся на Землю, на взлетающей базе останутся только соединенные кабины вспомогательных кораблей, пустые бункеры и отработавшие двигатели; они будут продолжать свое бесконечное путешествие вокруг Земли, а установленные на них автоматы — нести полезную службу, передавая по радио на Землю показания приборов.

«Вырывающиеся из ракеты огненные струи оживляют окружающее нас безмолвное пространство. Тяжесть нас больше не сковывает, как во время взлета. Мы чувствуем себя легче, чем на поверхности Земли.

«Двигатели выключены; летим по инерции. Нами овладевает странное ощущение полного покоя и совершенной неподвижности. О стремительности нашего полета мы узнаем только по уменьшающемуся диску Земли и из показаний зенитного прибора. Если бы мы неслись с такой быстротой по поверхности Земли, то совершили бы кругосветное путешествие за один час.

Все время находимся в неподвижности: стрелка магнитографа начинает вдруг дрожать. Ее колебания учащаются; разразилась магнитная буря. Мы вошли в зону полярного сияния. Синие и фиолетовые, плавящиеся, пушистые строение, но точную его форму нам трудно разгадать. Впрочем, это дело земных наблюдателей. Ведь даже опыльному летчику труднее рассмотреть форму пересекшего его самолетом облака, чем любому человеку, смотрящему на это облако с Земли. Но здесь, так сказать, «у источника», легче изучить особенности полярного сияния: до сих пор нет вполне обоснованной теории этого явления.

Мы на высоте тысячи километ-

ров. Колебания стрелки магнитографа внезапно прекращаются. Мы вышли из зоны полярного сияния. Записи автоматических приборов разберем потом, на Земле.

Стрелка высотомера показывает 1 200 километров над поверхностью Земли. Практически мы давно уже в безвоздушном пространстве, но наши приборы все еще время от времени улавливают рожьцы здесь, отдельные молекулы воздуха, попавшие сюда из земной атмосферы.

Высота 2 200 километров... Наши точнейшие приборы не способны больше улавливать ни малейшей частицы воздуха.

Наблюдения северного сияния, а также самых разреженных слоев земной атмосферы мы не могли уловить должным образом; у нас были более неотложные дела — отрегулировать скорость и направление движения корабля. В большой мере успех нашей экспедиции зависит именно от точного решения эти задачи.

Прибор одограф автоматически вычерчивает пройденный нами путь, но было бы слишком рискованно полностью довериться ему. Мы, в свою очередь, определяем наши координаты по положению Земли на небосводе и по размерам ее диска; изменение этих величин указывает нам направление и скорость движения корабля. Для проверки мы продолжаем все же измерения относительно Луны.

— Направление правильно! — осведомляется наш селенограф. — В полном согласии с графиком, — почему-то угрюмо отвечает штурман.

— А скорость?
— Первоначально программу на шесть метров в секунду, то есть на 8,054 процента.
— Значит, хорошо!

От Земли нас отделяет триста тысяч километров.

— Даже чересчур! — улыбается штурман. — От этого наш апогей¹ удаляется на двадцать одну тысячу километров. Таким образом, мы к нему попадем на девять часов сорок две минут позже. А с Луной, конечно, разойдемся...
— Как же быть!

— Есть несколько решений, но самое простое — уменьшить скорость «Лункора» до расчетной величины. И чем раньше мы это сделаем, тем больше сэкономим топлива.

«Мы уже держим персонально назначенный курс. Освободился бак из-под жидкого кислорода. Представляется возможным расширить наше помещение. А это очень кстати: в маленькой каюте, где мы так теснимся, становится душновато. Пора смеяться воздуху.

Удалившись в соседнюю кабину, мы поворачиваем кран, выпуская воздух из оставленного нами помещения. Через полминуты закрываем кран и впускаем в кабину порцию свежего воздуха. У нас теперь две жилые кабины: большая и малая.

Опорюженный бак даже не пришлось чистить: остатки жидкого кислорода улетучились. Переоборудование бака под кабину не требовало никакого усилия: ведь это и была кабина, временно залитая жидким кислородом. Пока еще морозно, но помещение мало-помалу нагревается. По мере того как лунный свет появляется на диске Луны, появляется зеленовато-серый свет необычайной яркости. Решет глота ворвавшегося в кабину сияет ослепительного солнечного света. Опускаем на миллиметр диск тонкой белой пластмассы и мягкий рассеянный свет разливается по кабине.

Прошли всего лишь один сут-

¹ Апогей — точка орбиты, наиболее удаленная от Земли.

ки, но мы уже миновали половину пути. На остальное путешествие мы затратим в 3½ раза больше времени; мы ведь не летим, как самолет, с постоянной скоростью, наша скорость все время меняется. Пока мы замедляем ход, и лишь в непосредственной близости от Луны корабль опять ускоряет движение.

Сначала видный диск Земли уменьшался резко; сейчас он уменьшается гораздо медленнее. Зато растет поперечник Луны. Он увеличился больше чем в четыре раза.

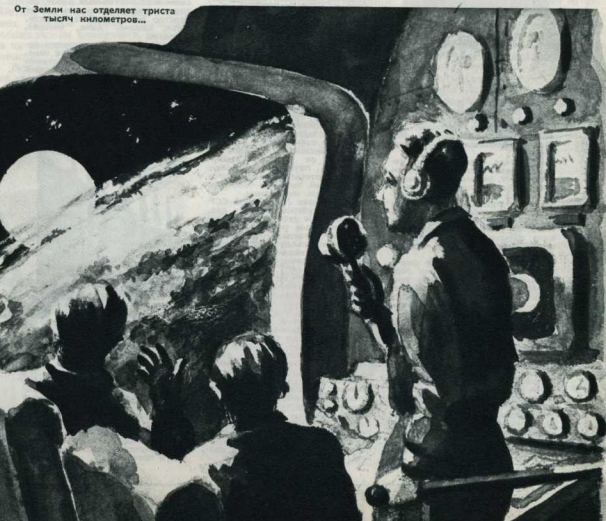
От Земли нас отделяет триста тысяч километров — одна секундная секунда. Счетчик молекул снова начинает улавливать какие-то частички. Мы определяем их химический состав. Оказываются, это микрометеориты. Для нашего корабля они безопасны.

Редко удается урвать время, чтобы постоять у иллюминатора и полюбоваться необычным межпланетным ландшафтом. С Земли тонкий серп Луны сейчас еле различим — приближается новолуние. Мы же видим Луну в первой ее четверти.

«Мы на высоте пяти тысяч километров над поверхностью Луны, а наш счетчик молекул уже улавливает частички ее атмосферы. Как же это! Ведь на гораздо меньшем расстоянии от Земли он не способен был уловить какой-либо частички ее воздушной оболочки. Значит ли это, что атмосфера Луны плотнее земной? Вовсе нет. Ее атмосфера, наоборот, в тысячи раз более разрежена, но она очень слабо притягивается Луной, имеющей массу в 81 раз меньше массы Земли.

«Радиосигналы, связывающие нас с Землей, ослабевают: Земля скрывается за диском Луны, который не виден с Земли.

(Окончание следует)

ЗВЕРИ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Рисунки Е. Ведерникова.

ЗИМОЙ НА ВЫСТАВКЕ

В грузинском павильоне зреют мандарины.
Фото Г. Ворсцова.

Снегом замело дорожку. Грузины с трюмом пробораются в деревенский восточный склад, а люди торопливо сгружают тяжелые ящики с надписями «Израиль». Савскохозсоюзственная выставка.

На складе, в специальных камерах отдела экспонатов, люди открывают, разбирают их содержимое. На динных стальных хранящих становятся все теплее. Вот прибыли гранаты из Армении, азербайджанская айва, яблоки, выращенные на Киевской республиканской станции конютов, алма-атинский аюрут, ракет-Самбарено с далекого Сахалина.

Для зимнего хранения фруктов и овощей в камерах поддерживают необходимые температуру и влажность воздуха. Ведь экспонаты будут лежать здесь до самого открытия выставки.

В длинных двухъярусных залах склада прихотливо смешались тамбовскими, бурья, зеленые красис. Стоит густые снопы ржи, пшеницы, проса, льна, овса, киноа, зерно. Здесь и пролеж пшеница «альбугоу» из Алтайского края, и пшеница из нового колхоза имени А. А. Жданова на целинных землях, выращенного колхозом имени И. И. Минина, и много других. Часть снопов одета в марлевые мешки, снабженные этикетками — они уже полностью приготовлены к экспозиции.

Большое внимание уделяется показу освоения целинных и залежных земель. В Павильоне зерна найдут широкое отображение патристические дела молодежи, посевая и осанная новыми землями. Во и залежных землях, а первые результаты работ. Особое внимание в Павильоне Урала уделяется показу обработки почвы по методу колхозного ученого С. С. Малецкого.

Особое место во многих павильонах отводится культуре — культуре, которая должна сарать важную роль в борьбе за повышение продуктивности животноводства.

Много новых экспонатов полагается в Павильоне строительных материалов. Значительно увеличится показ местных стройматериалов и способ их применения в сельской строительстве. На специальных площадках будут демонстрироваться механизмы для возделывания глинобонов, шпалобоев, различных плит. Будут также показаны строгильные опытные жилые дома для районов освоения целинных и залежных земель.

На выставке найд усиленная подготовка и тому, чтобы как можно шире распространить передовой опыт, рождающийся в самых различных концах нашей страны. Не случайно на выставке большое внимание уделяется радио- и кинопропаганде. В прошлом году более 150 выступлений передано сельского хозяйства было занесено на пленку. Сейчас эти ценные документы отправляются в Сибирь, на Украину, в Прибалтику, Белоруссию. На отечестве новой экспозиции на выставке оборудуются специальные студии звукозаписи, будут озвучены многие сценки. Кинофильм выставки анонсирует производство нескольких кинофильмов.

Управлением выставки выставки увеличивается выпуск брошюр, монографий, пропагандирующих новые методы ведения сельскохозяйственных работ, которые помогут увеличить производство зерна, мяса, шерсти, мяса, хлопка, льна, овощей, фруктов.

В прошлом году выставку посетили около 8 миллионов человек. Отдел сувениров выставки знает сейчас тем, чтобы каждый будущий гость мог что-нибудь приобрести на память о посещении ВСХВ: портативный стеноэкономический аппарат с выставки, художественные изделия, духи, значки.

В январе Грозинской ЦСР заложит субтропический сад. На плантациях Грозинской ЦСР висят тяжелые плоды. Оранжево сияют мандарины. Уходят под сапоги крошечные белые стволы эвкалиптов. Над широкими листьями бананов голубит.

В 1955 году на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке найдет отражение все то новое, что совершилось в стране за минувший год. Будут отведены итоги выполнения колхозами и совхозами поставленных Планом ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Сейчас создаются специальные экспозиционные стенды о квадратно-гнездовом способе ведения хозяйства, о технике получения высоких урожаев картофеля с учетом особенностей осенней посадки, о вывальных будут демонстрироваться методы выращивания растений в теплицах и утепленном грунте. Посетители найдут новую выставку о возделывании картофеля и овощей.

Так сохраняются редкие породы деревьев.

...Тихо зимой на выставке. Среди снежных сугробов виднеются деревянные дощатые стенды и квартиры кустов деревьев. Но приближение весны уже чувствуется. Вокруг стендов слышны стучит весняная нагель. В это году весны вывалы распахнутся намного раньше, чем в прошлом.

Жизнь четвероногих артистов цирка совсем не похожа на ту, которую ведут их соплеменники в зоопарках и зверинцах. Широкое животное постоянно перекрестит из города в город. Для них не только длинный товарный состав, они не пугаются прозвонящих паровозных гудков. Зверь-путешественник может вылезти, а их бывает интересные встречи, во время которых животные по-разному проявляют свои характеры.

В этих забавных заметках рассказывается о жизни четвероногих циркачей из смешанной группы животных, которой руководит заслуженный артист РСФСР Ю. В. Дуров.

ЛОУЛКА И МАТРЕНА

Лоулка попала в цирк из-за своего непослушного характера.

Стуилось оно во Владивостоке. Ее, впрочем, обучая, приехав на пароходе бошман в парокр смелу. Восторг мальчика не было ложно. Лоулка действительно вылезла себе забавно, а своим клоуном колхоза с кисточкой и костюме, спитом из разноцветных лоскутков. Однако радио была преждевременной. Не прошло и часа, как в квартире Лоулки царил полный разгром. Сначала Лоулка опрокинула туалетный столик в сторону дум, тогда сорвала завески с окна, разбила вазу.

Лоулку отдали в цирк. Маленькой скандалистке пришлось привыкать к клетке и окружающей ее звериной компании.

В жаркой гардеробной сидела каждая в отдельной клетке пять обезьян. Все они были разные: Молодая, старая, известная «карлатина» Матрена внешне несхожая с мамочкой Лоулкой.

Осанка у Матрены величественная, характер — флегматичный. Она часами могла рассматривать обезлового попутца Махара, не обращая внимания на его злободушные попутческие остроги. Когда это ей надоело, Матрена издавала грустный, протяжный вопль. Первый ей отвечала Лоулка. В объяснение поднимала невнятные шум. Матрена, вняло, вполне удовлетворенная, почесавшись, ложилась спать.

Так проходили дни. Только во воскресенье Матрена вела себя необычно. Объяснялось это довольно просто. На представлениях Матрена разыгрывала роль умной и благоговящей обезьяны. Она переносила струны большой клавир, среди которых немалую долю зрелища изволаживала лоулка. Затем Матрена, как в ресторане, подавала московскую солонку, которую она аккуратно, ложечкой съедала. Но аппетит у Матрены был плохой, ела она мало и

только с удовольствием пил пиво, слегка разбавленное водкой. А так как в воскресенье ей пришлось выступить четыре представления подряд, то к концу Матрена пьянела. Вернувшись в клетку, она долго возлась, не давая заснуть соседям. Особенно в эти минуты возновалась Люлька. Когда кто-нибудь подходил к обезьянам, она хваталась за прутья решетки и яростно кричала. А Матрена, прикрывшись теплым одеялом, блаженно поспывала.

Однажды, убирая клетку, служащая вымостила Люльку, и та мгновенно отутюжилась рядом с Матреной. Несколькими секундами рассматривали друг друга. Однако, они остались довольно этим более близким знакомством, так как Люлька не захотела уходить от Матрены. С этого времени обезьяны все время были вместе.

Люлька оказалась очень способной артисткой. Уже через два месяца она участвовала в спектаклях трагично восходя на похи. И вот в один из вечеров Люлька взяла на представление вместо Матрены. Старая артистка спокойно подждала прихода зрителей. Но через несколько минут она вдруг затряслась по клетке, раскрывалась,

выкинула кормушку, стала рвать одеяло. Возле обезьяны было вызвано доносившиеся с малажа кулачки, под которыми Матрена более двух десятков лет исполняла своей номер. Но вот музыка смолкла, дверь обезьянника распахнулась, и появилась усталая Люлька. Она была в матренином фраке.

— Ничего не поделаешь, нужно давать дорогу молодым, — ласково сказала дрессировщица.

С этого дня Люлька заменила Матрени. Старая «артистка» появилась на манеже только на особо ответственных представлениях.

КОМЕДАНТ

Однажды, когда труппа переехала из одного города в другой, в вагон, где находилась клетка с пеликанами, поместили только что прибывшего в цирк ламу Петьку. Бельяне не хватало места у копыта.

Время было летнее. В простом товарном вагоне стояла духота, и Петьке, одетому в пыльную шубу, приходилось туго. Утром его будили хохотавшие муж. Разморозили и алой, он поднимался и, туго уставив в одну точку, стоял, не обращая ни на кого внимания.

Но когда прикоснулся ведро с водой, в котором плавала приготовленная для пеликанов рыба, Петька вздрагивал и радостно тыкался к ведру. Пеликаны возмущались. Маля серовато-белым кричалом и развязыв громадные клыки, они бросались на Петьку. Тогда слу-

жащий обливал птиц водой. Те моментально затрещивали и, тряся крыльями, облетали Петьку неслым фантоном брызг. Ему же этого толку и надо было. Он охотно принимал душ.

Искутившись, Петька гордо поднимал голову и смотрел на своих соседней-пеликанов. Это были большие птицы с длинными-предлинными клювами. Как только им бросили рыбу, под клювами у них мгновенно вырастала мешочка. Петька сначала пугался пеликанов, а потом стал заглядывать к ним, несмотря на то, что в такие моменты Петька был необычайно смел, он и с прижатými ушами все-таки больше напоминал крохотку овечку.

Вскоре путешествие окончилось. В цирке всех зверей разместили отдельно, и Петьке было отведено на конюшине стойло. Но он усорно не хотел там стоять, перекусывал шлейку, отказывался. Однажды ливнем не замеченный Петька выбрался из стойла и стал топтаться по ширку. Выйдя в коридор, он вдруг завопил. Пахло чем-то знакомым. Петька отправился на запах и быстро нашел воллер, гад, нахохлившийся, арманай пеликан. Здесь Петька успокоился, лег и уснул. Его не тревожили. Так лавчалась дружба ламы и пеликанов.

Характер у Петьки оказался очень общительный. Петька любил свободно разгуливать по ширку. Не изменяя пеликанам, он заводил все новые и новые знакомства. За то, что Петька, где бы ни появлялся, чувствовал себя хозяином, держался солидно и строго, его прозвали Комедантом.

Петька вскоре привык к новой клетке и стал отбиваться и на нее. Однако, когда кто-нибудь слишком надоедал ему с приставаниями, Петька, выдвигая глядя своими темноголубыми глазами, зло прижимал уши и награждал провинившегося сильным тычком.

Интересные взаимоотношения сложились у Петьки со слонами. Петька постоянно крутился около них. Большие, добрые слоны не обижали на Комеданта, если он в их кормушках находил себе лакомства.

Вскоре Петька поразили всех своей выскочкой. Обычно, когда начинались представления, Петька, как не участвовавший в них, призывали. Но однажды вполыхал про него зыбиль. И Петька см устроил себе из воздуха площадку и затрясся, закрывавшей выход на арену,

и вдруг увидел беспорядок. На манеже было темно, со всех сторон раздавались страшные шорохи. Петьку всегда возмущали ловкие звуки и запахи, и поэтому он, не смущаясь, пошел вперед. Внезапно яркий свет озарил его. Саярку, почти из-под самого

купола, издавая непонятные звуки, на Петьку летело какое-то чудовище. Налуптанный Комедант бросился бежать. Разве мог он думать, что на манеже идет представление и что чудовище, летевшее на него со страшным шумом, был не кто иной, как его закадычный друг пеликан.

После окончания представления дрессировщик размазвал Петьку и, несмотря на то, что тот без разрешения вышел на манеж, дал ему салару и похвалил с первыми выступлениями.

Так Петька привык к широким булям.

ВАЛЕНКИ ДЛЯ СЛОНОВ

Когда наша труппа приехала на гастроли в Омск, стояла равная зима. Было еще не очень холодно.

С вокзала в цирк животные обычно доставлялись по-разному. Разные артисты, вроде пеликанов, всегда ехали на грузовиках, а «приморы-слоны» торжественно шествовали пешком.

Так было и в этот раз. Слоны бодро шли по улицам, временами сбегая хоботами мокрый снег и осыпая им друг друга: после дороги приятно было размяться.

От долгого стояния в вагоне слоны уставали. И хотя они обычно трогательно по очереди усту-

пали место друг другу, однако в тесном вагоне особенно не разлаживались. У слонов портилось настроение, они становились злыми, иногда даже начинали бунтовать.

— Гастроли в Омске проходили успешно. Приближалась день отъезда. Но как назло к концу гастрольной поездки резко изменился. Наступили тридцатиградусные морозы.

Вывести слонов на улицу в такой холод — значило обречь их на гибель. Что делать? И тогда решили заказать для них валенки и шубы.

Директор цирка долго упрашивал:

— Шутка сказать — слону валенки! Только за четыре слоновых валенка нужно платить, как за полтора десятка обычных.

Однако директор все же пришлось согласиться. Вскоре состоялась примерка. Мастера растерянно, боком подходили к «языкашкам», а те неохотно поднимали ноги громадных ног. Все это было вполне понятно: охли встарые вылопали такой заказ, а другие никогда в жизни не носили валенок.

Настал день отъезда. Для слонов были готовы и валенки и шубы, оставалось только принарядить животных. Однако сделать это было не так-то легко. Машина слониха застрянула и не выехала шубу. Поэтому все ее пришлось смазать толстым слоем жира. Зато валенки все слоны надели безропотно.

Слоны вывели на улицу, и вдруг наш старый знакомый Петька-Комедант, который всегда был верным попутчиком слонов, из-за чего не захотел к ним подойти. Он упрямился, был намеренную землю передними копытами, с ужасом смотрел на слонов. Петька не узнавал их. Одна слониха была почти такая, как встарь, только много цвета, волос ее поседели. Другая же слониха представляла собой страшное сооружение из меха, брезента и медных прутьев. В довершение всего — это было самое страшное для Петьки — слон был совсем другой ноги. Слоны едва ворочали этими выпучившимися стопами и двигались очень медленно.

Петьку пришлось вести на вокзал отдельно. Он успокоился только в теплом вагоне, когда со слонов сняли валенки и слоны стали предстать, какими он знал их все время.

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА «СМЕНЫ»

(Продолжение. Начало см. «Смена» № 1 и № 3).

III. ВИКТОРИНА

1. Кто великим шахматистом «титулованной ума»?
2. Назовите известных общественных деятелей, поэтов, ученых, писателей, мастеров искусств, которые высоко ценили и любили шахматы.
3. Какие партии основоположника отечественной шахматной школы М. И. Чигорина вы особенно полюбите? Приведите одну из них.
4. С какого времени проводятся официальные матчи на первенство мира по шахматам? Назовите всех чемпионов мира.
5. Почему начало 1. с2—e4 e7—e5 2. Кf3—f3 Кс6—f6 называется «русской партией»?
6. Кто является автором популярного в современной литературе дебюта: 1. e2—e4 e7—e5 2. Кf3—f3 Кс6—e6 3. Сf1—b3?
7. Какое начало шахматной партии и кем было названо «дебютот orangutan-тан»?
8. Какие комбинации из партий знаменитого русского шахматиста А. А. Алехина вы считаете прекраснейшими? Приведите 1—2 примера.
9. Каков суммарный результат встречи между собой в официальных турнирах и матчах крупнейших шахматистов СССР и мира прославленного М. Ботвинника, В. Смыслова, П. Бронштейна и П. Нереса?
10. Каким великим шахматистом принадлежат выражения: «Король—это сильная фигура!» «Пешка—душа шахматной партии»?

11. Сууществовало ли в истории шахмат правило, согласно которому король один раз в партии имел право сделать ход коня?
12. Один из видных прославленных мастеров прошлого в одной из своих полудневных книг предложил вместо существующей системы зачета результатов (выигрыш — 1, ничья — ½, проигрыш — 0) ввести придуманную им окончную шкалу:

Мат—белыми	• 6:1
Мат—черными	• 7:0
Пат—белыми	• 5:2
Пат—черными	• 6:1
13. Выигрыш путем истребления всех фигур противника — белыми
 • 4:3 |
14. Выигрыш путем истребления всех фигур противника — черными
 • 5:2 |
15. Ничья — белыми
 • 3:4 |
16. Ничья — черными
 • 4:3 |

По мнению автора, эта система устраива и бы несправедлива, преимущественно первого хода белых, фактически диктовалась бы черным ничейных результатов и следва бы на нет возможности сделать месту в турнирах и ничейных матчах, привела бы к полнейшему корню во всех партиях. Спорная, но оригинальная и весьма остропротиничная система.

Кто был этот острый противник черных?

13. Можно ли определить, не прибегая к помощи специальной таблицы, какого цвета фигуры играют между собой участники шахматного турнира?

14. Может ли белые при своем ходе выиграть комбинационным путем в позиции, приводимых ниже на диаграммах.

15. В чем заключается индийская тема в шахматных дебютах?

16. Имя на советских шахматистов и когда было придано почетной звания заслуженного деятеля искусств?

17. Какие дебюты исследовал выдающийся советский шахматный теоретик мастер В. Раузер (1910—1942 гг.)?

18. Кто из советских шахматистов наибольшее число раз выступал во Всесоюзных чемпионатах?

Мастер
В. ЛЮБИНСКИЙ

Начало весны

Июньской другой месяц года не дает так много разнообразия температур, как март. Днем пригревает солнце, а деревень и крыши падают сверкающая капля, а к вечеру ругать в термометре похвост вниз и бывает опускается до двадцати градусов ниже нуля. Духоразличные температуры марта отражают тот глубокий перелом, который совершается в природе — переход от холода к теплу.

В этот бы ни грозыслезима, с нацдым днем синеет становится небо, ярче светит солнце. И вот появляются на голых ветках вербы серебристые барашки, а на южных склонах холмов — прогалины. Первые бреша, пробитые солнцем в сплошном снеговом покрове, теперь будут множиться, расти, сдвигаться друг с другом, отбрасывая в снег все больше и больше снега. Там же снег подтаивает, и из дышащих земли, курится легкий пар.

В лесях столб светлов, просторнее. Потрескавшие тальмами дощечки, подминается из борозги останкишав за зиму мерзлота, начитываются вать гладыри, тетерева, рябичи.

По прогалинам, ковыряя почву адроренными носами, расхаживают важные носичерные гравы. А гравы прыгают, значит, весна пришла!

Средний срок их прилета по Московской — 18 марта. Астрономическая весна нач-

нется другим днем покое. Слегка чаще светит, отрабатывает тепло, солнце приобретает все большую силу. Несмотря на вьюжные морозы, средние температуры марта почти явнее выше февральской — 5 градусов ниже нуля. В небо появляются ослепляющие кучевые облака — предвещания тепла.

В небо появляются еще скопаны льдом, но летая, уже бегут к ним первые ручьи. К концу месяца высше в небе начинают носить на северо-восточных тубах, пролетающие на север бесчисленные ледяные. Они не идут, когда оторвутся восточные, и первое время по прилете держатся на полыхах, а то и просто на больших дузах.

В марте развешиваются голые работы на Северном Баванов, в степной части Украины, в Молдавии. В колхозах и совхозах средней полосы России начинается подготовка к весеннему сезону, завершающаяся пробным высеком.

В конце месяца по городам и селам проводится День птиц. К возвращению перелетных птиц готовятся школьники развешивая птичьи домики. Подготавливаются к вылету птицы на птичьих друзьях, не следует забывать и о разведении дуплинок для птиц и гнезд для птиц полевых, чем птицы. Некоторые виды их принадлежат и перелетным.

Б. АЛЕКСЕЕВ

Карманная радиостанция

В один из морозных дней на склоне Центрального Удальцова в Москве после катки, можно было встретить юношу, ведущего спортивную команду. Достая из кармана несоблюдую, величиной с фойерник, черную коробку, он повернул какой-то рычажок и загворил, ни к кому не обращаясь.

— Внимание, внимание! Начиная передачу с Частотой прудов. Даю пробу... Игрок, музыку слышите? Ответьте... Тогда же раздался голос: — Слышимость отличная! Это член Центрального радиодиагноза ДОСААФ космополетинер Леонид Кутринвич испытывал свою новую портативную ультракоротковолновую радиостанцию. Прием вел его товарищ, находившийся на значительном расстоянии.

Вес радиостанции, созданный Леонидом Кутринвичем, вместе с питанием составляет всего 300 грамм. Размер ее настолько превышает две спичечные коробки. Такая радиостанция может быть широко использована в народном хозяйстве. С ее помощью, например, трактористы и комбайнеры смогут подниматься самолетом в полетных стаях, с бригадами на ходящимися на расстояниях нескольких километров. Нарменная радиостанция выдает успешное применение у механизаторов, которые принимают участие в освоении целинных и залежных земель.

В своем портативной ультракоротковолновой радиостанции Леонид Кутринвичем нет ничего лишнего. Кандал на лямке, переключатель, антенна, любуя делая безукоризненно выключив свое функционирование, все это молодому инженеру. Он много потрудился, прежде чем была создана станция, работающая при напряжении питания равном 9 вольт 15—18 вольт.

Миниатюрная радиостанция Леонид Кутринвичем — это уже первая работа одного из студентов Московского высшего технического училища имени Баумана, он создал малогабаритную радиостанцию весом около 300 граммов. Инженеру удалось сделать радиостанцию, которая устойчиво и помехоустойчиво работает на частоте, которую не удается обнаружить, прежде чем не установится.

Через некоторое время им была создана вторая радиостанция, которая значительно отличается от первой. Она весит около 200 граммов, радиус действия достиг почти 30 километров. На 7-й Московской городской радиотехнической школе любитель-инженером летом прошлого года Леонид Кутринвичем за радиостанцию был присужден диплом первой степени.

А. СИПОВ

Редакция: В. Ажаев, Г. Гуля, Е. Долматовский, Е. Егоров, Н. Жуков, О. Кожухов, М. Луконин.

Технический редактор О. Шваба.

Подписано и печатно 2/III 1955 г. Тираж 250 000 яна. 1,75 бум. л. — 4,8 печ. л.

Рисунок М. Скобелева.

С 8 марта!

Главный редактор М. А. Вяличко.

Оформление номера В. Урина.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Изд. № 241.

Знак 359.

Тел. Д-3-34-24.

А 02520.

Формат бумаги 70х108см.

Ордене Ленина типогравия газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Цена номера
2 руб.

